

Владислав Выставной

ТВАРЬ

Апокалипсис-СТ

Владислав Выставной
Тварь

«Автор»

2011

Выставной В. В.

Тварь / В. В. Выставной — «Автор», 2011 — (Апокалипсис-СТ)

Потерпев неудачу в отчаянной попытке уничтожить Зону, он жаждет навсегда оставить это место, смешавшись с людской толпой большого мира. Странный и нелюдимый обитатель Зоны, известный сталкерам под именем Бука, не учел лишь одного важного обстоятельства: он не такой, как все. Зона не желает отпускать его, и это становится жутким сюрпризом не только для него: военные, ученые, случайные люди чувствуют зловещее дыхание Зоны – мимо идет Бука. Отчаяние, страх, безысходность – вот она, расплата за покровительство со стороны темных сил. Все, чего он желает – стать таким же, как все, избавившись от своего сомнительного «дара». Помочь ему могут лишь в заброшенных лабораториях Зоны, куда не добраться без верных друзей. Но что делать, когда остаешься один на один с целым миром, оскалившимся всей мощью оружия, отгородившимся стеной недоверия и страха? Только сжать зубы – и идти вперед.

© Выставной В. В., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Глава первая. Эмигрант из Зоны	5
Глава вторая. Дыхание Зоны	15
Глава третья. Комендантский час	24
Глава четвертая. Откровение	33
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Владислав Выставной

Тварь

Глава первая. Эмигрант из Зоны

Огненный пунктир «трассеров» прочертил ночное небо над головой и чиркнул по сухой земле в каком-то десятке метров. Взметнулись в воздух фонтанчики жирной пыли вперемешку с клочьями почвы. Били не прицельно, но злобно и патронов не жалели – от души месили сектор, в котором засекли неосторожно подставившихся нарушителей.

Это у них, гаденышей, такое развлечение – ночная стрельба по сталкерам, волокущим через Периметр хабар, вырванный с кровью из пасти Зоны. Вроде охоты на зайцев, мечущихся в свете фар – азартная пальба по тем, кто не в состоянии ответить той же монетой. Не то, чтобы все ооновцы были таким прожженными скотами, просто давняя вражда со сталкерами зачастую выливается в открытые столкновения группировок с коалиционными силами, закрепившимися на границе Зоны. Неприязнь вполне взаимная, потому как за время существования зоны отчуждения немало крови пролито с обеих сторон. Так что жаловаться не имеет смысла: если, чего доброго, засветишься при пересечении Периметра, вояки пристрелят тебя без всякого сожаления, с удовлетворением отметив, что собаке – собачья смерть.

Вообще-то, нарушителей специального режима, установленного в зоне отчуждения, полагается задерживать и доставлять в комендатуру соответствующего сектора – для дальнейших разбирательств. Да только кому это надо: выискивать в темноте затаившихся мерзавцев, наверняка вооруженных, а что еще хуже – несущих из Зоны всякую заразу? Так что, расправляясь со сталкерами на месте, патрульные искренне полагают, что таким образом защищают человечество от расползающейся из-за Периметра смертельно опасной мерзости. А если впоследствии и обнаружат расстрелянные с пограничной полосы тела, то с бойцов все, как с гуся вода – пожмут плечами, руками разведут: приняли, мол, за снарка, зомби или еще какого мутанта, прущего из темноты на мирный соседний городок. Кто их в темноте разберет?

А сейчас их, притаившихся за броней транспортера, озверевших от однообразия и скуки ежедневного патрулирования, разбирал обыкновенный охотничий азарт: луч прожектора жадно шарил по ложбине в поисках цели, и вслед ему, будто принохиваясь, перемещался ствол крупнокалиберного пулемета. Будь они посмелей – не замедлили бы дать «по газам», да, наплевав на инструкции, рвануть через внешний контур на колесах. Да только трусят они, и штаны свои пятнистые, натовские, сушат, наслушавшись рассказов о смертельных ловушках Зоны. Кишка у них тонка – пройти хоть несколько шагов обычной сталкерской тропой. Это при том, что здесь, на внешнем контуре, аномалий и близко нет – Периметр проведен с приличным запасом. Так что единственной опасностью для брата-сталкера как раз и остаются здесь воинские патрули. Благо, они только и могут, что бить издалека, что, впрочем, делают довольно лихо: ствол мощный, километра три под прицелом держит. Если бы не спецкомбинезоны, поглощающие инфракрасное излучение тела, их давно бы уже засекли через тепловизор, и тогда уж полный кирдык... А так – ничего, можно и полежать, вжавшись физиономией в пыльную траву. Чего там – бывали ситуации и похуже. Только вот, затаившийся рядом с Букой проводник, похоже, начинал терять терпение. Аж зубами скрежетал от ненависти:

– Вот, суки! Никак не уймутся! Да сколько у них там патронов?!

Хороший вопрос: били-то из башенного пулемета бронетранспортера. А патронов там, наверняка, тройной запас – на случай встречи с реальными гостями из-за Периметра. Снова очередь – и теперь уже Бука ощутил, как сверху осыпало маленькими комочками земли. Сектор обстрела сужался, словно пулеметчик решил педантично засеять пулями весь приглянувшийся

ему участок. Проводник снова выругался – сочно, витиевато, от души. Его можно понять: это ведь он обещал спокойный, тихий и безопасный выход из Зоны. И получил за это немалый куш. Наверное, оттого и бесился и трусил, предполагая что отберут задаток. Потому как цена такому обгадившемуся проводнику – горсть радиоактивной пыли. Честно говоря, до самого последнего момента Бука сомневался – нужен ли ему проводник в принципе? Ведь по Зоне он мог сам провести кого угодно и куда угодно, к любому известному объекту без риска вляпаться в случайно подвернувшуюся аномалию. Почти без риска, разумеется: все-таки, никто не знает, что и как повернется в этом месте, которое люди по ту сторону Периметра считают сущим адом. Других мест Бука никогда не видел, так что не спорил с этим утверждением. Он просто жил здесь, был частью окружающего пейзажа и даже одним из персонажей сталкерских баек.

Но это в Зоне. А ему нужно туда, за Периметр. В совершенно чужой мир. Туда, где он никогда не был, и куда никогда не стремился до недавнего времени.

Но теперь все изменилось. Он не мог больше находиться в этом, ненавистном ему месте. Нужно было убраться отсюда – быстро, наверняка. И Бука сделал то, что раньше не пришло бы ему в голову – взял себе в помощь местного «следопыта». Он справедливо рассудил, что Зона – Зоной, но разбираться в тонкостях пересечения хорошо охраняемого Периметра тоже надо уметь. Ведь там, за этой незримой чертой, местами обозначенной колючей проволокой и колеей армейских джипов – все иначе. Там нет мутантов и смертоносных аномалий, радиоактивных осадков и ежеминутной опасности получить пулю в спину.

Просто там – все чужое.

Это хорошо, что проводник не знал его в лицо. Может, он и не слышал про него вовсе. Просто у него узкая специализация – по дырам в Периметре. Он вроде того паромщика, что перевозит души мертвых в ад и обратно. Что-то такое рассказывал ему Док...

Снова очередь – отрывистый, свистящий пунктир прямо над головой. Красиво – если не задумываться в эти секунды о смерти. Бука не думал о смерти: само чувство страха было у него атрофировано с того момента, когда он впервые осознал себя. Было другое чувство – чувство опасности. Но оно скорее приятное, оживляющее тело, заставляющее чаще биться сердце, насыщаемое впрыснутой дозой адреналина – или что там у него в крови? Ведь он – не совсем человек. Док что-то рассказывал о том, какие изменения происходят у тех, кто слишком уж сжился с Зоной. Док и сам был таким – не безмозглый зомби, конечно, но уже тот, кому нет жизни вне Зоны. Этого Бука боялся больше всего: что и он не сможет жить за ее пределами. Тогда ему не останется ничего, кроме, как сдохнуть. Возвращаться обратно было бы еще хуже.

Но уже здесь, притаившись за бугорком, покрытым уродливой, полудохлой, растительностью Бука почувствовал: Зона не отпустит его так просто. И БТР этот явно не был случайностью. Даже не будучи спецом по Периметру, он знал: основная масса патрульных колесит на джипах. И то, что они навалились на эту звероподобную бронированную штуковину, да еще в «самом безопасном» по слова проводника месте, можно считать знаком. Своеобразным «приветом» от Зоны. Бука не знал, как все это работает, он вообще мало чего знал, полагаясь на врожденное чутье и способности, развитые не без помощи Дока. И теперь это чутье говорило ему: это не просто уродливая машина на безобразно раздутых колесах, облепленная забранными в решетки фарами, с начинкой из подданных вояк. Это еще одна игрушка тех темных, неведомых сил, что вертят здесь пространством и временем.

Они навалились на засаду, когда казалось, все сложности остались уже позади, и проводник с усталым самодовольством комментировал проделанную работу, продолжая набивать себе цену. Действительно, они ловко проскочили между двумя патрульными джипами, объезжавшими внутренний контур Периметра. Гонять по самой кромке Зоны на колесной технике могли лишь самые отчаянные или же плохо информированные вояки: Зона, как гигантская амeba, колыхнется, непредсказуемо выбрасывая аномальные «отростки» и так же неожиданно их «втягивая». И даже несмотря на то, что машины оборудованы институтскими «спецсред-

ствами», позволяющими сходу, почти безболезненно преодолевать небольшие аномалии, на это надо решиться. Так что зачастую в патруле можно было встретить военных сталкеров, а связываться с ними при прорыве Периметра, как минимум, небезопасно. Кроме патрульных, опасность представляли электронные системы контроля – камеры, датчики движения и прочая мерзость, и тут уж проводник оказался на высоте, проложив рискованный путь прямо под объективами инфракрасных камер. Были у него и свои хитрости, какие-то электронные примочки, притупившие бдительность охранной техники. И после долгого извилистого пути «попластунски», они выползли, наконец, к последнему участку, за которым никто уже никто не вправе предъявлять им претензий в нарушении спецрежима.

А потому, когда их, расслабленно, поднявшихся в полный рост, встретил мощный световой удар вспыхнувших во мраке фар, первой реакцией стал ступор. Они замерли, ослепшие и ошеломленные, словно надеялись еще, что все это случайность, а там, по ту сторону контрольно-следовой полосы решили подсветить что-то другое. И только длинная пулеметная очередь вернула им ощущение действительности. Рванув в сторону, успели нырнуть в плоскую, спасительную рытвину в земле, в которой теперь и надеялись переждать охотничье настроение патрульных.

Впрочем, совсем не похоже было на то, что находившиеся внутри БТРа, куда-то спешат. И положение из опасного все больше переходило в отчаянное.

– Ну, и что делать будем? – тихо спросил Бука, поглядывая в сторону бронированной машины. Тихо ворча двигателем, БТР медленно проехал вдоль контрольно-следовой полосы, сдал назад: очевидно, там выбирали более удобную точку, откуда можно было достать нарушителей. – Может, назад?

– Да уж, видно, придется, – пробормотал проводник, одним глазом, из под надвинутого капюшона поглядывая в сторону источника света. – Надо только момент выбрать – а то срежут. Как пить дать – срежут...

Словно в подтверждение его слов, пулемет разродился длинной очередью, веером чертившей темноту прямо над головами. О том, чтобы встать и бежать – не могло быть и речи. До сих пор их спасала удачно подвернувшаяся яма. Даже не яма – небольшое углубление в земле, позволившее слиться с чересчур плоской местностью. Только теперь Бука понял, что они лежат в луже, и холодная вода норовит затечь в складки легкомысленно расстегнутого комбеза. Это было странно: откуда здесь лужа? Ведь земля вокруг совершенно сухая... Бука мгновенно напрягся: он знал цену подобным странностям. Быстро повернулся в сторону спутника. Тот ответил ему таким же настороженным взглядом: видно и до того дошло, что дело не ладно. Вода заметно прибывала, и скоро начнет заливать рот, нос, заставляя предательски задирать голову.

– Концентрат?! – быстро предположил сосед.

– Тебе лучше знать – ты же проводник, – не без раздражения ответил Бука. Хотя уже чувствовал близость аномалии. Черт возьми, откуда она взялась здесь, за фактической границей Зоны? Видимо, наблюдатели, следящие за контурами Периметра, где-то просчитались. Наблюдателям это простительно, Док называет это «человеческим фактором». Но как прошляпил он, Бука?! Тут же, под комбезом проводника тихонько запищал детектор аномалий – точно, комариная плешь где-то поблизости.

– Свеженькая... – недоуменно пробормотал проводник, отплеываясь. – Выдавливает грунтовые воды, чтоб ее, мать ее, так и разедак...

Они заворочались в мутной жиже, пытаясь примоститься в новой среде. И, похоже, напрасно: прожектор вдруг бешено заметался прямо над головой, на миг ослепив своим больнично-белым светом.

– Засекли! – округлив глаза, прохрипел проводник. Он уткнулся лицом в лужу, шумно втягивая воздух краешком рта, выступавшим над поверхностью. В свете прожектора он был

прекрасно виден Буке, и у того появилось странное ощущение – будто он голый, на операционном столе под светом мощной лампы: такую картину он не раз наблюдал в доме на Болоте. Но никогда не думал, что сам окажется в таком положении.

– Почему не стреляют? – чуть повернувшись, с надеждой пробормотал проводник. – Может, все-таки, не засекли?

Ответ пришел быстро: БТР взревел двигателем, неуверенно, очень медленно, сдал назад, развернулся...

– Нет... – пробормотал проводник, судорожно вытягивая из лужи автомат. – Они что же, хотят...

Он не договорил. И без того стало ясно, чего хотят разгорячившиеся охотники: тяжелая машина осторожно проползла мимо столба с ржавой табличкой «СТОЙ! ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА» и коснулась рифлеными шинами уходящей в обе стороны распаханной контрольно-следовой полосы.

Все, шутки кончились.

– Твою мать! – заорал проводник, шумно, с брызгами, выныривая из лужи.

Прополз несколько шагов на четвереньках, вскочил и, пригнувшись, рванул обратно, в сторону покинутой, было, Зоны. В дергающемся свете фар он зигзагами, как тот самый удирающий заяц, несясь к груде булыжников неподалеку. Совершенно непонятно, что он хотел этим выгадать – разве что на время спрятаться от пуль. Похоже, у него попросту сдали нервы.

Стрельба же со стороны БТРа, прекратилась, и это было более, чем неприятно. По всему выходило, что их попросту решили намотать на колеса. Иначе трудно было объяснить это неожиданное решение патруля – вопреки обыкновению, преследовать нарушителей на их же территории.

Шум яростно взывшего двигателя привел Буку в чувство. Он вынырнул, наконец, из склизкой жижи, слишком уж медленно поднялся на ноги, потянув за ремень дробовик – совершенно бесполезное в данном случае оружие. Наверное, выглядел он сейчас довольно нелепо – грязное, мокрое чучело, торчащее посреди новоявленной лужи и обтекающее грязью. Как загипнотизированный, он пялился на свет приближающихся фар. Страх не было – его заменило какое-то удивленное отупение. Неизвестно, успел бы он увернуться в последний момент или принял бы другое, куда более, нестандартное решение, но только все случилось куда, как более неожиданно, чем можно было ожидать. Когда вздернутое бронированное рыло маячило уже метрах в пяти от застывшего парня, БТР словно наткнулся на невидимую стену: уткнувшись деформирующимся носом в невидимое «ничто» и продолжая бешено взбивать колесами воздух, он резко задрал корму, на миг продемонстрировав эффектный вид сверху.

Следующие секунды были наполнены ревом вышедшего на запредельные обороты движка и скрежетом сминаемого металла. Бука заворожено наблюдал, как вырванная с корнем, словно пробка из бутылки, вылетела из корпуса башня. Завертевшись волчком, она воткнулась в землю, вспахивая ее пулеметным стволом. А следом, словно сдернутый гигантским тросом, взлетел в воздух и унесся в сторону и сам БТР. В лицо ударило плотным порывом ветра вперемешку с дизельной гарью. А секундой позже тяжелый грубообразный корпус с грохотом рухнул на каменистую почву Периметра.

– Ни хрена себе... – донеслось из-за спины. Там уже стоял, выбравшийся из укрытия проводник. – Трамлин, чтоб меня!.. И так удачно, надо же!

Бука не ответил: и младенцу ясно, что трамплин. Но чтобы такой мощности... Прислушался к своим ощущениям: да, теперь он действительно чувствовал и этот чудовищный трамплин и комариную плешь неподалеку. Однако круто здесь – на «самом безопасном» участке Периметра.

– Никогда здесь не было ни «плещи», ни трамплина, – неуверенно проговорил проводник, глядя в детектор аномалий. – Клянусь, чтоб я сдох – не было!

– Бывает, – равнодушно заметил Бука. – Зона. Всегда здесь что-то появляется, что-то исчезает...

– Обычно это происходит во время выбоса, – недоверчиво проговорил проводник. Нервно поправил автомат. Сейчас он совсем не был похож на того нагловатого, самоуверенного мужика, загнувшего за свои зело полезные услуги немалую цену. – Может, я место спутал?

Он замер, затравленно озираясь. Сплюнул, заявив:

– Да ну, нафиг... Я, все-таки, еще не спятил. Все это появилось здесь только что.

– А ну, погоди... – медленно выходя из лужи, не глядя, отстраняя проводника, сказал Бука. Он неторопливо направился в сторону лежащего на боку БТРа, попутно вытряхивая грязь и воду из ствола дробовика.

– Ты куда? – слабо окликнул его проводник.

Бука не обратил на возглас никакого внимания. Что-то неприятно свербило в груди – как это бывает, когда чувствуешь опасность, но не можешь определить ее источник. БТР валялся на боку, как огромная, брошенная детская игрушка. Двигатель заглох, но два колеса из четырех, заданных кверху, продолжали мерное вращение. И это не было похоже на инерцию. Едва Бука приблизился к горячей железной туше, как две пары передних колес, дернулись, как в конвульсиях, повернулись, словно закладывая вираж. Снова дернулись. Это было неприятно – будто раздавленное железное насекомое шевелило лапками, никак не желая окончательно сдохнуть. Одна фара, забранная в решетку, как единственный застывший фасеточный глаз, продолжала мертво светить в темноту.

Бука остановился, прислушался к ощущениям. Нет, аномалий поблизости, вроде бы, не наблюдалось. Он поднял дробовик на уровень глаз, щелкнул предохранителем и стал осторожно обходить машину. В провале вырванной «с корнем» башни слабо горело внутреннее освещение. Пригнувшись, запустив вперед ствол дробовика, Бука полез внутрь. Даже тусклый свет единственного плафона дал возможность утвердиться в худших предположениях.

Кабина была пуста.

– Как это? – донесся из нутра бронетранспортера недоуменный голос проводника. Там, за броней он продолжал шарить лучом фонаря. – Катапультировались они все, что ли?

Бука оставил без комментариев болтовню обалдевшего спутника. Некому там было «катапультироваться». Потому, что этой железной хреновиной не люди управляли, и об этом можно было догадаться с самого начала. Просто это «нечто» серьезно воспротивилось его желанию покинуть пределы Периметра. А уж способов остановить слабого и хрупкого человека у него множество. Оно изобретательно и коварно, непредсказуемо и беспощадно, и его мотивации, если таковые имеются, не поддаются человеческой логике. Потому то имя этому «нечто» – Зона. Со всем содержимым этого слова.

– Чтоб я сдох! Рассказать кому – не поверят, – выбираясь из откинутого люка, сказал проводник. Он устало присел на корточки, снова покосился в сторону люка. – Ну, ладно, черт с ним, главное, что живы остались...

Проводник бегло сплюнул через плечо и добавил:

– Я взялся довести тебя до поселка – так что, двинули, пока еще какие сюрпризы по пути не попались.

Наверное, в последствии он сам пожалел о сказанном. А пока они спокойно пересекли проволочное ограждение и КСП и теперь, уже формально, находились за границами зоны отчуждения. Но проводник верно заметил: он обязался довести клиента до ближайшего человеческого поселения, и Бука вовсе не собирался отказываться от этой части его услуг. Хотя бы потому, что испытывал непривычное волнение и даже ощущал дрожь в ногах: этот, внешний, совершенно незнакомый мир, пугал его. Он снова прислушался к себе: что здесь такого, необычного в этом мире, о котором он слышал лишь скупые обрывчатые фразы сталкеров,

да не слишком понятные рассказы Дока? Обычно острые, чуткие ощущения молчали. Даже жутковато становилось – словно этот, «нормальный», как про него говорили, мир, был мертв и пуст, в отличие от Зоны, где каждый метр наполнен подозрительным и опасным движением. Собственно, это постоянное ощущение опасности и придавало привычному с детства пространству Зоны объем, дарило ощущение собственного существования. Сейчас же Бука чувствовал себя, будто в вакууме.

Его посещали уже подобные кошмары – в которых он пребывал в мире, лишенном привычной атрибутики Зоны. В этом мире не за что было ухватиться. Опасность была – потому что ее просто не может не быть – но невозможность ощутить ее, уловить угрозу, создавало ощущение беспомощности и ужаса. Сейчас не было так страшно, как в тех снах, но приятнее от этого не становилось. В конце-концов, он сам сделал свой выбор, и теперь придется привыкать и к этому миру без ощущений, и к людям, которых здесь, говорят, миллионы.

Странный мир, где все ходят без оружия, без спецкостюмов и детекторов аномалий, не опасаясь ни радиации, ни нападения мутантов. Более того – они словно не боятся нападения со стороны себе подобных, спокойно засыпая за тонкими стеклами окон, становясь совершенно беззащитными – просто подходи и души их голыми руками.

– Оружие надо спрятать, – словно прочитав его мысли, сказал проводник. – С этого момента мы, так сказать, мирные жители. Кстати, что у тебя с документами?

– Документами? – растерянно повторил Бука. Пожал плечами.

Вот же незадача – об этом он даже не подумал. Честно говоря, он не понимал толком, что это такое и для чего они нужны – эти документы. Хотя и слышал упоминания сталкеров об этих, почти магических бумажках. Ведь в Зоне действует только одна разновидность документов – ствол. Здесь же, насколько ему известно, оружие – вне закона. Это казалось странным, даже противоестественным, но деваться некуда – придется приспосабливаться к правилам этого мира.

– Что ж ты так, братец, – недовольно проговорил проводник. – Хоть бы предупредил – подготовились бы. Наткнемся, чего доброго, на патруль или ментов – поди, объясни им, что ты турист-экстремал, грибочки со стронцием здесь собираешь. Убить, может, не убьют, но передадут военным властям – будешь знать... Ладно, доберемся до поселка – что-нибудь придумаем. Сделаю тебе ксиву – за отдельную плату, разумеется.

– Спасибо, – машинально отозвался Бука.

Теперь, по эту сторону Периметра, он вдруг осознал, что жизнь здесь совсем не так радужна, как казалось там, в Зоне. Там все просто – или ты, или тебя – и никаких условностей. По крайней мере, не такое количество тонкостей, делающих из прямоходящего двуногого существа полноценного члена общества.

Оружие спрятали в заранее подготовленном тайнике – под аккуратно свернутым слоем дерна, в утопленном в землю толстостенном пенопластовом ящике. Краем глаза Бука заметил, что в ящике аккуратно сложен приличный арсенал – от старых «калашей» до пулемета и, вроде бы, даже ЗРК типа «Стрела». Похоже, что схрон использовался не только для обслуживания переходов, а проводник был не только проводником. Что, впрочем, мало волновало Буку. Дерьн вернули на место, придавили на стыке тяжелым, плоским камнем. Все, теперь из нарушителей специального режима, которых люди не сведущие всех без разбору именуют сталкерами, они превратились в обыкновенных граждан. По крайней мере, проводник. Буке же вдруг вспомнилось, что у обитателей этого, внешнего мира, помимо прозвища, есть еще и три обязательных составляющих личности – фамилия, имя и отчество. Одно это вызвало головную боль, а ведь были и еще какие-то данные, без которых нельзя найти себе место среди рядовых граждан – но все это было пока за пределами понимания Буки. Все, чего ему сейчас хотелось – это смириться с ощущением того, что он, наконец, распрощался с проклятой Зоной, и жизнь его начнется с чистого листа...

Они вышли к проселочной дороге. Светало. Вдалеке, в за деревьями, в туманной дымке показались крыши одноэтажных домов. Крепкая рука схватила его за шиворот и оттащила в придорожные заросли: мимо протарахтел синий облезлый трактор. Бука невольно сжался, словно ожидая удара: он никак не мог привыкнуть к тому, что не каждое движение и звук несут в себе угрозу.

– Ну, вот и поселок, – нервно облизывая губы и косясь на спутника, сказал проводник. – Слушай, сделай ты лицо попроще, а? А то меня самого тянет у тебя документы спросить... Значит, сделаем так: посидишь пока в хате. Не бойся, место проверенное. Я тем временем решу вопрос с ксивой... Кстати, чем платить собираешься – налом или хабаром?

– Хабаром, как за переход, – вяло сказал Бука, поправляя на плече рюкзак.

– Возьму полторы цены, – скривился проводник. – Это в Зоне артефакты сбыть запросто, а тут можно и подставиться. Согласен с таким раскладом?

– Без вопросов, – отозвался Бука.

В утренних сумерках у дороги возникла длинная, до середины заросшая металлическая ограда. Там, в утреннем тумане, медленно проплывали покосившиеся кресты и редкие каменные обелиски. Почувяв людей, одиноко, протяжно и тоскливо каркнула ворона. Бука невольно поежился: в Зоне тоже есть заброшенное кладбище, и там это далеко не самое веселое место. Сам он со своего полузабытого детства не мог понять, почему тех, кого зарывают в землю, именуют «покойниками»? Какое это имеет отношение к покою – непонятно. А проводник уже сам тащил его на погост, через пролом в ограде, с торчащими рванными, проржавевшими краями.

– Чем меньше народа тебя увидит, тем лучше, – пояснил проводник, напряженно озираясь.

Они миновали древнюю, полуразрушенную часовню, увитую, как поначалу показалось Буке, побегами жгучего пуха, отчего он дернул проводника за руку и невольно повернулся к стене боком, ожидая плевка ядовитыми спорами. Но проводник небрежно бросил, что это – обыкновенный плющ. Они шли через ряды старых, заброшенных могил с деревянными, сгнившими крестами, мимо могил, от которых вообще остались одни лишь заросшие травой холмики. Впрочем попадались здесь и свежие, со странными «обелисками», похожими на вешки Периметра: бетонный столбик со ржавой жестяной табличкой. Только вместо надписи «Запретная зона», «Огонь на поражение» и все в таком духе – скупые трафаретные данные о покойнике.

– Сталкеры, – коротко пояснил проводник, закуривая, по Принятой в Зоне манере, скрывая огонек в кулак. Он как раз остановился у одного такого столбика – на прибитой к нему пластине вообще не было имени, только остатки старой надписи... Что же там написано? «Назад! Сектор обстреливается...» Черный Сталкер! Да ведь это они и есть – вешки с Периметра! Бука понятия не имел о таком обычае – ставить их на могилы сталкеров. Для него вообще это было новостью – что сталкеры, оказывается, могут покоиться где-то, кроме земли Зоны-матушки. Хотя, говоря по правде, помереть сталкеру всегда найдется от чего: помимо прямого убийственного воздействия аномалий, опасности быть сожранным мутантом или пристрелянным братом-сталкером, можно еще гробануться под пулями «голубых касок» или неожиданно отдать концы от неизвестной науки болезни...

Его спутник молча курил, глядя в безликий бетонный столб. Кто его знает, может, лежит здесь какой-нибудь его кореш. А может, и родственник: известно же, что сталкеры зачастую работают семьями – муж, скажем, таскает хабар, а жена сбывает. Такой уж здесь бизнес.

Двор, в который они вошли, через неприметную заднюю калитку, примыкал к самому кладбищу, отделенный от него лишь грязной тракторной колеей. Бука моментально отметил высокий и плотный деревянный забор, закрывающий вид на поселок. Умно: видать, он не пер-

вый, кого хозяин незаметно приводит к себе на задний двор, не желая, чтобы соседи пилились сюда и делали выводы.

Двор был пустынен: ни обычной сельской живности, ни хлама, который зачастую скапливается во дворах у селян, ни огорода. Здесь была лишь ровная, сотки на три, утоптанная площадка, посреди которой одиноко стоял выдавший виды серый «УАЗик». Дом был самый обычный: белого кирпича, одноэтажный, не большой и не маленький, под крашеной металлической крышей. По врожденной привычке Бука с опаской смотрел на дом: чистенькие застекленные окна, аккуратная дверь вызывали в нем тревогу – там, в Зоне, это просто кричало бы о поселившейся внутри аномалии. Но здесь, все-таки, не Зона – и он послушно, вслед за проводником, поднялся на крыльцо и вошел в дом.

Их встретила бледная, не улыбающаяся женщина в длинном платье, с затянутыми в узел черными волосами. Красивая, но с каким-то странным выражением лица, с тоской, будто навсегда застывшей в огромных черных глазах. Больше всего Буку поразило то, что проводник не перекинулся с ней даже словом – просто провел клиента через маленькую, изолированную прихожую, где заставил скинуть с себя все, в чем он пришел из-за Периметра, и отправил в расположенную рядом душевую. Без сомнения: дом был спланирован аккуратно под сталкерские нужды. Бука не очень любил водные процедуры, как его ни приучал его к этому делу Док. Но теперь вдруг подумал, что сейчас окончательно смывает с себя все, что связывало его с покинутым навсегда местом. Он попытался проникнуться этим ощущением – и ничего не почувствовал. Лишь пустота и усталость – это все, что осталось после долгого и опасного перехода.

На выходе из душевой он замер, мокрый, смущенный, будто застигнутый врасплох коварным врагом: перед ним стояла та самая женщина, протягивая ему стопку чистого белья и чужой одежды. Выражение ее лица оставалось все тем же, и это несколько успокоило гостя. Он запоздало прикрылся полотенцем и принял из ее рук одежду, сбивчиво пробормотал «спасибо». Женщина тихо исчезла, а он принялся натягивать на себя шмотки. Те пришлись по размеру, но все-таки, казались непривычно тесными, в отличие от неизменных широких штанов из крепкой негорючей ткани и просторной непромокаемой куртки. В этих потрепанных джинсах и рубашке в клеточку он чувствовал себя каким-то незащищенным, словно голым посреди сталкерского кабака, и это было совсем уж новое и не слишком приятное ощущение.

Тем временем за окном светлело, и женщина плотнее задернула шторы. Проводник, тоже успевший переодеться в какой-то нелепый костюм, отчего потерял большую часть своей «крутости», сказал отдельно:

– Жди меня здесь. Никуда не выходи и во всем слушай Наталью.

Бука молча кивнул в ответ. Он и без того ощущал робость перед этим новым миром с незнакомыми порядками и красивыми женщинами. Проводник обменялся с ней каким-то напряженным, пронзительным взглядом и вышел. За окном заскрипели ворота. Откашлявшись, завелся «УАЗик», прогрелся – и укатил куда.

– Вы, наверное, устали? – неожиданно раздался глубокий бархатистый голос. – И наверняка голодны.

Бука не сразу понял, что с ним разговаривает эта женщина. Но нашел в себе силы и ответил:

– Ну... Есть немного.

– Тогда пойдемте, позавтракаем.

Бука послушно поплелся за Натальей в небольшую чистенькую кухню. Через несколько минут, забыв о первом смущении, он вовсю уплетал яичницу с кусками свежего, ароматного хлеба. Такого он не ел никогда в жизни: откуда в Зоне – свежий хлеб? Еще он с невероятным наслаждением потягивал сладкий, как патока, чай. Сладкое в любом виде – его единственная и главная слабость в пище. Док договорил, что это как-то связано с особенностями его метаболизма: обостренные чувства потребляют огромное количество углеводов. Может, оно и так,

но без сладкого вполне можно было впасть в депрессию, а что еще хуже – потерять «чувство Зоны» и нарваться на элементарную аномалию.

Наталья сидела напротив, внимательно наблюдая за жующим гостем.

– Скажите, – неожиданно произнесла она. – А это правда – что вы никогда не покидали Периметр?

Бука замер с набитым ртом, медленно дожевывая, проглотил. Пробормотал:

– Да, так оно и есть. А что?

– Ничего... – произнесла женщина, не отрывая взгляда от Буки, словно он был каким-то диковинным зверем. – Необычно это. И вы... Вы вправду ушли навсегда?

– Правда.

– И не собираетесь возвращаться?

– Нет. А зачем?

Впервые на лице Натальи появилось новое выражение: похоже, это было удивление.

– Ну, как же... – проговорила она. – Ведь все возвращаются. Хабар, легкие деньги, адреналин. Сталкера ведь всегда тянет обратно – в Зону, как убийцу на место преступления. Что ты ним ни делай – а хлебом не корми, лишь Зону подавай...

В голосе Натальи теперь чувствовалась досада и горечь. Бука плохо разбирался в интонациях и чувствах, тем более – женских. Он просто пожал плечами и сказал:

– Ну, я же не сталкер.

– Не сталкер? – недоуменно переспросила Наталья. – Что ж вы там делали?

– Жил, – просто сказал Бука. Уставился в тарелку, ковырнул вилкой недоеденную яичницу. – А что здесь такого?

– Ну... – протянула Наталья. Теперь она смотрела на Буку совсем другим взглядом, в котором уже не было того первоначального равнодушия. – Странно это как-то: жить в Зоне и не быть сталкером...

– Я просто родился там. И вырос, – сказал Бука. Он не удержался и снова потянулся к кружке. Наталья, будто спохватившись, торопливо подлила ему чаю, пододвинула сахарницу и миску с печеньем. – А теперь решил уйти. Навсегда.

– Вы прямо эмигрант какой-то, – удивленно сказала женщина. Бледно улыбнулась. – Надо же – эмигрант из Зоны... В первый раз про такое слышу.

– А вы много знаете о Зоне? – почему-то немного обидавшись, поинтересовался Бука. Слово «эмигрант» он слышал впервые, и чем-то оно ему не понравилось.

– Я жена сталкера, – тихо сказала женщина. Таким тоном, словно это все объясняло.

– А... – протянул Бука, неопределенно махнув рукой. – Это ваш муж?

Надо же – он ведь до сих пор так и не узнал имени проводника. И, похоже, тот не слишком-то стремился познакомиться.

– Что? – Наталья вскинула брови. Помрачнела, покачала головой. – Нет. Мой муж там...

Она кивнула куда-то в сторону, и даже объяснять не потребовалось: указывала она в сторону кладбища.

– Он погиб, полгода назад. Умер – едва вернулся с очередной вылазки. И никто так и не понял от чего. Знаете, как это бывает у сталкеров?..

Женщина взяла с подоконника пачку, достала сигарету, закурила, задумчиво глядя в никуда. Бука понимающе смотрел на нее: он-то знал, как это бывает у сталкеров. Наталья же теперь смотрела в окно, закрытое плотной занавеской – туда, где должны были виднеться кресты и бетонные столбики с именами или так и не покрашенными предупредительными надписями. На лицо ее вернулось прежнее выражение.

– Идите отдыхать, – тихо сказала женщина. – Я постелила вам на диване.

Бука послушно проследовал за хозяйкой, сел на диван, неловко поерзал. Но словно какая-то сила навалилась на него, придавив веки, заставив зевнуть и склониться к подушке. Сознание подернулось дымкой – и провалилось в темную пустоту.

Глава вторая. Дыхание Зоны

Его снова преследовал все тот же навязчивый, мучительный сон. То, о чем он старался не вспоминать, то, что было тщательно укрыто в пыльных уголках памяти, упорно лезло наружу, демонстрируя бессилие разума в борьбе с внутренними монстрами. Наверное, он и решил навсегда покинуть Зону, в том числе, из-за этого сна. Отчего-то казалось, что все забудется, и он навсегда примирится с самим собой. Но сон повторялся снова – и даже во сне Бука ощущал ужас и разочарование.

...Он пришел, чтобы спасти ее. Ту, единственную, что помогала ему чувствовать себя таким же, как все. Ту, что делала его человеком, и дарила какие-то призрачные надежды – он даже не знал, на что именно. Любила ли его танцовщица из сталкерского бара? Или же просто использовала, как машину по поставке уникально хабара? Ведь никто не мог сравниться с ним в этом деле. Тогда Бука наивно полагал себя настоящим сталкером, и для этого были все основания. И только много позже, с усилием заставляя себя возвращаться к минувшим событиям, начал догадываться, что его подругу просто использовали – чтобы заставить несговорчивого чудака таскать из каштаны из огня (как выражался какой-то наемник).

Но он не думал об этом. Он никогда не отличался склонностью к глубокомыслию, а тогда в голове у него был полнейший компот: что и говорить, Мила свое дело знала. И ему, совсем еще зеленому, хотелось верить только в одно – что она любит его. Просто, по-настоящему. А хабар? Что хабар? Ему было нетрудно натаскать артефактов: ведь он любил любоваться ее лицом, которое аж светиться начинало при виде богатой добычи. Что и говорить, любовь – страшная штука, о чем запоздало ему поведал всезнающий Док...

А в том момент он бы, не раздумывая, отдал бы за нее жизнь. И если бы удалось повернуть время вспять – легко, поменялся бы с ней местами. И даже позже, действительно получив призрачную надежду «переиграть» пройденное – он не решился на главное. Бука благодарил Черного Сталкера за то, что тогда, у Монолита, тот уберег его от самого опасного в его жизни решения. Это было невыносимо трудно – но Бука не стал просить у черного чудовища воскрешения любимой. Все знают – нельзя просить Монолит о таких вещах. По большому счету, его вообще не стоит ни о чем просить: никому еще исполнение желаний не принесло счастья. И то, что загадал тогда, Бука тоже не дало искомого результата – лишь новые жертвы, покореженные судьбы, да его собственное добровольное изгнание.

Но и это не избавило его от одной, из ночи в ночь повторяющейся картины. Вот он, задыхаясь, примчался в этот крошечный уголок на краю Зоны, такой, как казалось всем, безопасный, где можно отдохнуть и развеяться перед очередным нырком в неизвестность, выпить прозрачного, да поглазеть на аппетитные формы девчонок. Все кончилось в один миг: небольшой хлопок на мертвом энергоблоке – и вот уже, в зловещей тени выброса зашевелилась Зона, норовя запустить ядовитое щупальце туда, где еще сохранились остатки покоя и привычной человеку природы. Это место было находкой для сталкеров: проводя Периметр, военные, не размениваясь, отхватили «с запасом» и этот небольшой участок здоровой территории. Словно чуяли, что это ненадолго. И когда он, Бука уже ворвался в этот небольшой лагерь, здесь уже во всю хозяйничала Зона.

Наверное, что-то происходит с ее обитателями, когда они начинают осваивать «свежие» территории – словно здесь, на границе миров мутанты ощущают особенную ярость и ненависть ко всему, что попало в их мир из-за Периметра. Даже обычно нейтральные, равнодушные зомби вдруг начинают яростно бросаться на зазевавшихся людей. Что говорить о снарках и совсем уже диких тварях, вроде слепых собак и кровососов? Тогда все, кто уцелел во время первой волны, накатившей со стороны Зоны, попрытались в баре. А вокруг царил настоящий

ад: вспыхивали свеженькие мясорубки, трепетал воздух вокруг воронок, били в землю разряды небольшой электры – Зона разрождалась аномалиями, будто икру метала.

У него на глазах взбесившиеся снарки дрались из-за трупов, а слепые собаки никак не могли поделить с плотью тушу какого-то толстяка. Бука словно не замечал всего этого: у него была единственная цель – найти ее. Это удалось – быстро и на удивление просто. Слишком быстро и просто – самое время насторожиться. Но тогда он не считал еще Зону чем-то враждебным. Нет, Зона была для него уютным домом, ласковой матерью, балующей свое чадо обилием подарков. Тогда он не понимал еще, каким же уродом сделала его эта ласковая Зона.

И он вытащил ее – прямо через разбитое окно, несмотря на предупреждения опытных сталкеров, занявших круговую оборону. Он лишь улыбался им в ответ: взрослые, вооруженные до зубов, мужики казались ему детьми, не умеющими наладить нормальные отношения с Зоной. Она полностью доверилась ему – чудовищу, которого сторонятся мутанты, способному безо всяких приборов ощущать опасность и ловко обходить любые аномалии. Ей тоже казалось, что она делает правильный выбор.

Что случилось в последующие несколько секунд, до сих пор оставалось для Буки мучительной загадкой. Он не мог не почувствовать эту аномалию: несмотря на эйфорию от встречи, он прекрасно контролировал местность. Не могла его отвлечь ни стрельба, разразившаяся вдруг со стороны осажденного бара, ни рев кровососов, ворвавшихся туда в режиме «невидимки». Это было похоже на наваждение: будто своей волей Зона на миг лишила его всех способностей и даже самого разума. Всего лишь на миг – но этого хватило, чтобы потерять контроль над ситуацией – когда она, сделав всего пару шагов, выпустила из тонкой красивой ладони его руку и коснулась спиной дрожащей, искажающей видимость стены воздуха...

Бука тихо застонал – то ли в действительности, то ли только во сне. Снова все та же невозможная картина и снова он, замерший, не в состоянии ничего изменить.

Всего лишь шаг – и в уши врывается ужасающий треск костей. Ему даже кажется, что он слышит короткий вскрик – но, наверное, только кажется, потому, как ее легкие, оголенные, оказавшись прямо перед его глазами, взрываются тысячами крохотных шариков-альвеол, и лицо ощущает влагу мелкой-мелкой кровяной пыли. Миг – и все ее прекрасное тело превращается в освежеванную, вывернутую наизнанку тушу. В лицо отдает жаром горячих внутренностей – и все они с отвратительным хлопанием опадают к его ногам. Торчащие вперед обломки ребер, бессильно изгибающийся позвоночник, и последняя точка – лопнувший бомбой череп. И все. Некоторое время он стоит еще над дымящейся плотью, покрытый кровью и ошметками ее прекрасного тела. Сознание еще успевает отметить: это обыкновенная изнанка – как он же мог ее не заметить?

А в следующий миг что-то вспыхивает и сгорает в его душе. Он все еще смотрит на ее расплзающиеся останки, на слепую собаку и крыс, приступивших к их пожиранию...

Что-то начинает происходить с мозгом: словно полюса у планеты, начинают менять полярность все привычные представления о добре и зле. Он еще не успел издать свой первый и последний вопль – но стал уже совершенно другим.

Тем, кто никогда не сможет простить Зону.

Бука открыл глаза – резко, мгновенно включившись в действительность, несмотря на цепляющиеся за край сознания рваные обрывки кошмара. Ему показалось, что он проснулся от собственного крика. Так с ним бывало и не раз. Но на этот раз, похоже, кричал кто-то другой.

Там, за окном.

В комнате было темно: наверное, он проспал целый день. Что не удивительно: переход через Периметр отнял немало физических сил и нервов. Бука прислушался. Мерно тикали часы на стене, где-то прокричал и запнулся петух...

И снова крик – протяжный, переходящий в надсадный, обрывистый вопль. От этого крика становилось не по себе – слишком уж достоверно он передавал ужас кричащего. Крик оборвался резко – и Бука тут же сел на диване, ощущая, как покрывается холодным, липким потом. Малоознакомое, но крайне неприятное ощущение овладело им.

Страх. Бука нервно огляделся. Все та же темная комната, освещенная лишь бледными отблесками из-за окна. Никакой опасности рядом – откуда ей взяться здесь, за пределами Периметра? Отчего же тогда так беспокойно колотится сердце, и откуда взялось это предчувствие – мерзкое и холодное предчувствие беды?

Бука тихо поднялся и подошел к окну. Там, в скупом свете далекого уличного фонаря и слабого луча прожектора, бывшего неизвестно откуда, шла незнакомая ему жизнь. «Обычная жизнь», как называли ее знакомые сталкеры. Эта самая «обычная жизнь» никогда не интересовала Буку: ведь он не искал ее, «спокойной» и «кайфовой», ради достижения которой и нужны были сталкерам драгоценные артефакты. В этом мире они ценились куда дороже, чем в Зоне: здесь они дарили людям совершенно невообразимые возможности, находящиеся за пределами понимания странного парня из глубины зоны отчуждения. До последнего момента его единственной целью было просто уйти из ненавистного места, находится в котором стало невыносимо. Места, где все напоминало о непрекращающемся кошмаре, сломавшем его волю и болезненно чиркнувшем по разуму.

Но теперь цель, вроде бы, достигнута. Пора прекращать жить прошлым, пришло время осваивать этот новый, странный, огромный мир, в котором бесполезны все его качества, столь ценные в Зоне. Нужно набраться терпения, мужества – и двигаться дальше. И для начала стоит задать себе вопрос: кто он? Какое место уготовано ему в Большом мире? Это не праздный вопрос, и теперь становится совершенно очевидным: впереди – суровые испытания. Зона, эта ненавистная сука, давала ему все. Но чем готов поделиться с ним это гигантский мир, населенный миллиардами? Не спроста же самые отчаянные лезут и лезут через Периметр, не страшась смерти, десятками оставаясь навсегда в мертвой земле Зоны. Выходит, чего-то не хватает им в этом спокойном и благополучном мире?

Слишком много вопросов – и ни одного ответа...

В медлительные, тягучие, как патока, размышления вновь ворвались тревожные звуки: со стороны прихожей раздался женский вскрик и характерный звук бьющейся посуды. Секундой позже оттуда же донесся странный звук, быстро переросший в тоненький протяжный вой – исполненный страха и безысходности. Хлопнула дверь, раздался неровный топот, дверь в комнату распахнулась, и ворвался знакомый силуэт: Наталья, захлебываясь в беззвучных рыданиях, бросилась прямо к нему, припала всем телом – только в этом не было ничего женственного и вообще человеческого.

В глазах женщины застыл ужас. Все, что ей нужно было от случайного гостя – спасение. Защита. Как ни странно, в этот момент Бука ощутил забытую, было, уверенность: ощущение опасности было куда привычнее этой ватной расслабленности.

– Что случилось? – осторожно отстраняя от себя намертво вцепившуюся женщину, тихо спросил Бука.

– Он... – женщина с трудом выдавливала из себя слова. – Он вернулся...

– Проводник? – нахмурившись, спросил Бука. Он все еще не понимал сути происходящего, но тревога быстро заполнила все ощущения. Он вдруг понял: началось. Но что началось, когда, по какой причине – на эти вопросы он уже не смог бы ответить.

Наталья ничего не сказала: она смотрела в сторону двери, туда, где застыл странный высокий силуэт. Бука не сразу понял, что же такого ужасного увидела в этом человеке женщина. Наверное, сила привычки: подобные картины были для него нормой. Но в этом мире, очевидно, они вызывали совсем другую реакцию.

Фигура была в грязной, полуистлевшей одежде, с которой продолжали осыпаться мелкие комья земли. Лицо – действительно жутковатое, осунувшееся, местами разложившееся до кости, но, в целом, сохранившееся на удивление неплохо. И, как ни странно, в этом полуразложившемся лице угадывалось что-то знакомое. Точно – лицо stalkера, которого доводилось встречать когда-то там, за Периметром. Не всех Бука знал по имени, но память на лица у него была хорошая. Что тут скажешь? Никто не застрахован от мощного воздействия Зоны, которая каждого может в один прекрасный момент превратить в лишенного души зомби. Для этого у Зоны есть множество самых изощренных способов. Однако не все зомби агрессивны, и этот, похоже, вовсе не собирается нападать.

В этом смысле Бука и хотел, было, утешить застывшую в ужасе женщину, но ее онемевшие губы произнесли через силу:

– Это мой муж...

Какое-то время Бука продолжал рассматривать беспокойного мертвеца, решившего вдруг вернуться в родной дом, и все, о чем он думал – как успокоить женщину. Какие слова принято говорить в таких ситуациях, он понятия не имел. Тем временем «муж» характерной походкой, на одеревеневших ногах медленно вошел в комнату, огляделся пустым взглядом, прошел мимо гостя и сжавшейся в комок жены, подошел к ящику древнего телевизора, взял пульт. Той же неуклюжей походкой отошел на противоположный край комнаты, медленно опустился на диван. Щелкнул пультом. Телевизор озарился мертвенным светом, зашипел помехами: покойник вдавил кнопку ненастроенного канала. И так и застыл: уставившись в мелькание помех, отражающихся в мертвых глазах мелкими всполохами.

Бука обхватил Наталью крепче, с трудом удерживая мечущееся тело, не давая ей рухнуть на пол: женщину била тихая истерика. Он начал смутно понимать природу этих эмоций, даже попытался подобрать какие-то топорные фразы утешения. Но слова застряли на языке.

До него вдруг дошло. Ведь этот примерный семьянин вернулся с погоста, расположенного ЗА ПРЕДЕЛАМИ Зоны!

Новая волна неконтролируемых эмоций окатила его, сковав разум и волю. Он просто не желал впускать в себя понимание простой и очевидной вещи: если из местного кладбища полезли вдруг ожившие мертвецы, это явление нельзя толковать иначе, как однозначный, ясный, как день факт.

Сюда пришла Зона.

Наверное, он бы долго еще разбирался с непослушными мыслями и чувствами, но этой роскоши ему не досталось: явственно гроыхнула входная дверь, раздались быстрые тяжелые шаги, и в комнату ворвался взмыленный проводник. Коротко ругнулся, нашарил выключатель, щелкнул.

Вспыхнул свет.

– Вы чего тут засели? Не знаете, что ли ничего?! – гаркнул он и осекся, увидев Буку «обнимавшегося» с Натальей. Выпучил глаза и тут же, проследив Букин взгляд, увидел вернувшегося «хозяина». Тот продолжал неподвижно пялиться в пустой экран, и теперь, в холодном электрическом свете еще больше проявились следы разложения на его лице и руках. Сквозь прореху в сгнившей рубашке виднелось оголившееся ребро. Это зрелище заставило проводника шарахнуться назад, вжаться в стену. Он судорожно сглотнул, быстро посмотрел в сторону хозяйки и парня, снова уставился на зомби.

– Твою мать... – изумленно выдохнул проводник. – Чалый... Чтоб я сдох, какого ты приперся сюда?!

Услышав прозвище, мертвец медленно повернул голову. Равнодушно оглядел бледного, как смерть проводника и вернулся к созерцанию экрана. Поднял руку с пультом вдавил кнопку. И продолжал пялиться в настроечную таблицу какого-то канала.

– Полезли-таки, чтоб их разорвало... – пробормотал проводник, бочком приближаясь к Буке и Наталье, готовой в любую секунду свалиться без чувств на пол. Подхватил женщину с другого бока и кивком указал гостю: следовать за ним. Уже в смежной комнате он взял себя в руки и теперь отпаивал Наталью водой из чайной чашки «в горошек».

– По району объявили чрезвычайную ситуацию, – торопливо говорил он. – Военные подняли уровень угрозы до «оранжевого»...

– Зона? – коротко спросил Бука.

– Да, – так же отрывисто сказал проводник. – Полезла, родимая. Выбросила «щупальце» километров на пять, аккуратно в сторону поселка. Так что надо уходить – и быстро. Может, успеем проскочить, пока аномалии не напочковались... Твою мать!

Он вдруг в ярости швырнул кружку в стену. Заорал:

– А у меня даже оружия здесь нет, понимаешь?! Научники эти, очкарики яйцеголовые мамой клялись, что Зона сюда не полезет! А я и уши развесил! За бешеные бабки разрешение себе сделал на жизнь в «предзоннике»! Поселился тут, бабу нашел: думал удачно устроился – прямо у Периметра, не жизнь, а сказка. Ага, как же...

Он отдышался, вытер с лица пот. Лицо его, только что белое, как у покойника, налилось краской. Наверное, и орал больше для того, чтобы взвинтить, привести самого себя в чувство. Правильно – без этого в Зоне никак. Она не терпит трусов и нытиков.

– Ладно, – уже более спокойно, даже деловито, сказал он. – Пойдемте – машина у ворот, я даже мотор не глушил. Главное успеть прорваться, пока новые кордоны не выставили. А то загремим в карантин – мало не покажется...

– Я останусь, – сказала вдруг Наталья тихонько.

Проводник замер с открытым ртом, выпучился на женщину, облизал пересохшие губы.

– У тебя что, крыша поехала, что ли? – деревянным голосом проговорил он. Мельком посмотрел в сторону соседней комнаты, где пицал настроечной таблицей телевизор. Брови его полезли кверху, глаза выпучились, и он по-новому уставился на женщину.

– Ты с ума сошла, – простонал он. Грохнул кулаком по столу. – Он же мертвец, понимаешь?! Зомби!

– Я останусь с ним, – упрямо сказала женщина.

Голос ее окреп, и по всему было видно, что она уже не изменит своего решения. Наверное, понял это и проводник, кем он бы там ей не был – жильцом, новым мужем, любовником? Так или иначе, он заткнулся, словно уперся в бетонную стену. Медленно выпустил руку Натальи, оставив ее одиноко сидеть на стуле.

Буку поразило, как изменилось ее лицо: в нем уже не было той беспредельной тоски и обреченности. Зато появилась какая-то темная решимость. Наверное, бесполезно объяснять ей, что сюда, в этот дом заявлялась пустая человеческая оболочка, подпорченная сыростью и червями, что это уже не лихой сталкер Чалый, и не надежный, как танк, муж-добытчик, которого она знала. Да только как это объяснить любящей женщине? Бука мало что знал о такой штуке, как любовь, и то что он знал, было связано с одним лишь запредельным кошмаром.

А теперь он, вообще, начал вдруг подозревать, что любовь эта – просто одна из жутких аномалий, вроде тех, что капканами расставлены по Зоне. И однажды вляпавшись в такую аномалию, всю жизнь будешь мучаться, будто ошпаренный изрядной дозой жгучего пуха или попав под разъедающую струю газировки...

Вдвоем с проводником они молча покинули дом, быстро запрыгнули в машину. Проводник бросил хмурый взгляд в сторону крыльца, лицо его осунулось еще больше, дернулась жилка на скуле. Он с ненавистью, с хрустом, провернул рычаг переключения скоростей и со всей дури впечатал в пол педаль «газа». «УАЗик» рванул с места, юзом, с проворотами, и выскочил на разбитый асфальт поселковой улицы.

– Следи за детектором! – процедил проводник, не отрывая взгляда от дороги.

Только сейчас Бука заметил криво прилепленный на приборную панель детектор аномалий. Молча кивнул – хотя ему и не требовалось детектора, чтобы ощутить, как вокруг, совсем близко возникают свежие аномалии. Самый опасный момент – расползание Зоны. Когда та, по необъяснимым причинам пытается протянуть свое щупальце на свежие территории, совершенно невозможно предсказать, где и когда появится та или иная аномалия. Тут не поможет даже его врожденное звериное чутье. И меньше всего в такой момент стоит уповать на скорость и водительские навыки.

– Давайте пешком пойдем! – быстро сказал Бука, пристально глядя на водителя. У того, похоже попросту сдали нервы. Уже второй раз за сутки. Не слишком обнадеживающее свойство для того, от кого зависит твоя жизнь.

– Я обещал вывести тебя за пределы Зоны, и я это сделаю! – пялясь вперед почти безумным взглядом, упрямо сказал проводник.

– Не надо! – крикнул Бука. – Я и так заплачу вам по полной!

– Я обещал – и я сделаю... – механически, как робот, повторил проводник. Он и не думал снижать скорость, и в этот момент Бука понял: сейчас они гробанутся. Сто процентов гробанутся – потому, как на этом человеке теперь хоть клеймо ставь: он сорвался с катушек, и теперь обречен. И что характерно – он обязательно утянет с собой в могилу любого, кто окажется рядом.

– А ну тормози!!! – заорал Бука, вцепившись в плечо безумца. – Сейчас в аномалию вляпаемся, слышишь?!

Но тот лишь дико захохотал в ответ, продолжая выжимать из машины все, на что та была способна. Детектор отчаянно запищал, замигал россыпью зеленоватых точек на экране: они чудом не въехали правым бортом в свеженький гравиконцетрат!

А обезумевшего проводника словно накрыло новым приступом истерического смеха, и теперь было совершенно ясно – он просто невменяем. Бука оставил попытки как-то повлиять на водителя и ухватился за ручку двери, примериваясь, чтобы выпрыгнуть на ходу. Но не успел. Его с силой швырнуло на водителя, вдавило перегрузкой, снова отбросило назад, отчего он буквально вышиб спиной дверь и кубарем покатился по обочине. Он был настолько ошеломлен, что не чувствовал боли. С трудом встал на четвереньки: подташнивало от всей этой чудовищной круговерти, перед глазами плыли круги. А потому он не сразу поверил собственным глазам: прямо посреди дороги, обхватив «УАЗик» жуткими конечностями, расположился самый натуральный псевдогигант. Бронированная морда уткнулась в металл, жадно раздувались ноздри, из пасти доносилось низкое хриплое дыхание. Брезгливо осмотрев машину, обнюхав ее со всех сторон, он принялся со скрежетом вскрывать крышу машины, словно огромную консервную банку. Теперь стало понятно, что ее остановило и заставило кувыркаться: генерируемая чудовищем мощная динамическая волна – главный его козырь. Остается удивляться – как тот умудрился подловить их прямо на ходу? То ли мутант уже имел дело с машинами, то ли принял ее за крупный живой организм – только сработал он действительно ловко и теперь имел полное право насладиться трофеем. Отодрав лоскут крыши крепкими, как титан зубами, псевдогигант запустил в рваную дыру переднюю конечность. Зарычал, тщетно пытаясь нашарить вкусную начинку короткой передней лапой. Продолжил в ярости раздирать крышу, разбрасывая вокруг рваные куски металла вперемешку с пластиковой обивкой.

Бука бросился, было, на помощь застрявшему в машине проводнику, но вовремя остановил себя: что он может противопоставить двухтонному монстру? Это было не просто сказать самому себе, но факт оставался фактом: хозяин машины расплачивался за собственную неуживчивость и непочтительное отношение к Зоне. Это тем более непростительно опытному ходоку через Периметр – ему ли не знать последствий такого поведения. Впрочем, никто не гарантирован от нервного срыва. Как бы там ни было, увидев, как страшная морда начала про-

тискиваться внутрь салона, Бука невольно отвел взгляд. А услышав полные боли и ужаса вопли вперемешку с и жадным чавканьем, он просто поднялся и, пошатываясь, отправился прочь. Крики за спиной быстро стихли, теперь был слышан лишь хруст разгрызаемых костей, чередующийся с сытой отрыжкой. Что ж, новые территории приносили Зоне свои первые жертвы. Наверное, это даже к лучшему, что он так и не узнал имени этого человека. Вроде как, тот и остался для него незнакомцем. А мало ли незнакомцев дохнет в Зоне?

Поселок остался за спиной, и Бука продолжал идти по дороге, в надежде, что та, рано или поздно, выведет его за пределы новых границ Зоны. Так или иначе, теперь все придется начинать с нуля. Усилия потраченные на преодоление Периметра, могут оказаться тщетными, если военные успеют замкнуть новое кольцо окружения и, таким образом, отодвинуть Периметр. Попасть в карантин – меньшее, чего бы сейчас хотелось...

Где-то в черноте ночного неба раздался нарастающий рев. Бука задрал голову: из-за деревьев вынырнули яркие огни, и над головой, заслоняя звезды, прорычали стремительные тени. Вертолеты – ушли на старый Периметр. Сейчас у военных и ученых горячая пора: остановить расползание Зоны, не дать «щупальцу», этой жуткой метастазе, распространиться слишком далеко. Но главное для них теперь – не дать вырваться на свободу разбушевавшимся монстрам, которые с неизбежностью, будто подхлестываемые невидимыми погонщиками, будут пытаться выбраться на новые территории, где у них может быть лишь одна-единственная цель – жрать и убивать.

Едва только Бука успел подумать об это, как до слуха донеслись новые звуки – множественный свист, быстро переходящий в надсадный вой. Небо прочертили стремительные огненные следы – прямехонько в направлении поселка. И еще несколько – вокруг, словно стремясь замкнуть невидимое кольцо. Бука еще успел сообразить и нырнуть в придорожную канаву. После чего вокруг воцарился самый настоящий ад. Земля задрожала, стремясь вырваться из-под вжавшегося в него человека, тело обдало жаром, и Бука ощутил себя котлетой, подкидываемой на раскаленной сковородке. Тут же заложило уши – видимо, от резкого перепада давления. словно по наитию, Бука отчаянно распахнул рот – чтобы не порвало барабанные перепонки. И мир вокруг наполнился грохотом и огнем...

Он так и не понял, что это было – «Грады», «Смерчи», «Ураганы» или какая-то новая установка залпового огня – только, выбравшись из канавы, мотая головой и тщетно пытаясь избавиться от оглушительного звона в ушах, вместо рожицы и поселка за ней, увидел лишь черную плоскость, усеянную воронками и подсвеченную багровым светом тлеющих обломков и догорающих деревьев по краям. Перед глазами на миг возникло лицо Натали, оставшейся где-то там – где сейчас стелился удушливый черный дым. Бука прогнал этот образ, заставив себя не думать. Все, что сейчас было нужно – это идти, не останавливаясь, пока не перезарядили установки, и квадрат не накрыло второй ракетной волной. Или, что еще хуже, какой-нибудь экспериментальной дрянью из арсеналов институтских умников.

Бука заставил себя ускорить шаг. Это было непросто: его, оглушенного взрывами, избыточным падением из машины, качало, как пьяного, и тело отказывалось повиноваться. Сстиснув зубы, он уходил все дальше, и уже не обращал внимания на грохот и яркие вспышки за спиной. Над головой просвистели реактивные двигатели: наверное, штурмовики ушли подчищать за артиллерией уцелевшие квадраты.

Рядом тихой тенью, не обращая на него внимания трусила слепая собака. Почему она не бросается на него? Почему? Это было неприятно. Это пугало, это было «звоночком». Неужто Зона простила его, вернув ему отобранные, было, привилегии? С чего бы это? Зачем?

Продолжая эти натужные размышления, он продвигался вперед, и остановился лишь тогда, когда, взвизгнув, рядом рухнул подстреленный мутант. Краем глаза машинально отметил: били из «снайперки» – собаке смело полчерепа.

И тут же ослепительно вспыхнул прожектор.

– Стоять! – раскатисто пророкотал низкий, усиленный мегафоном, голос. – Руки в стороны!

Бука повиновался. Теперь он был похож на распятого Спасителя – такой был изображен на кресте Монаха, его странного знакомого, поставившего себе целью отвадить сталкеров от их греховных занятий. Команда «руки за голову» в последнее время у военных не в ходу: уже сколько раз случалось, что из-за спины неожиданно выхватывали дробовик или же просто нажимали на кнопку, разнося патруль в клочья – вместе с собой, разумеется. Что и говорить, Зона – пристанище безумцев...

– Спиной ко мне! – приказал голос.

Бука подчинился.

– Медленно ко мне! Я сказал – медленно!

Бука попятился в сторону прожектора. Разумеется, близко подойти ему не дали: со спины бесшумно и ловко накинудись и скрутили его крепкие фигуры в защитном противохимическом снаряжении. Уткнувшись лицом в асфальт, ощутив на заломленных за спину руках холод наручников, не без уважения отметил: четко работают, это вам не разгильдяи-сталкеры. Чувствуется хватка профессионалов. За эту хватку их и ненавидят. Там, внутри Периметра, этих «профи» предпочитают видеть только через оптический прицел, сами же они, свою очередь, в Зону идут только в самом крайнем случае. И тогда не стоит жать от них пощады.

Его проволокли через переднюю полосу обороны – что-то, вроде блокпоста из грубо сваленных бетонных блоков, с тем самым прожектором и стационарными приборами ночного видения. Все бойцы – в защитных комбезах с «рылами» противогазов на лицах. Краем глаза заметил несколько фигур в оранжевых и белоснежных лоснящихся комбезах: похоже, сотрудники Института. Возятся рядом с каким-то невероятным агрегатом. Буку передернуло: иногда ему казалось, что эти ученые в своей извращенной «исследовательской» жестокости – хуже всяких мутантов. Не зря ведь многие считают, что сама Зона – всего лишь побочный продукт каких-то сумасшедших экспериментов...

Чуть позади научной группы виднелась пара БТРов и приземистый, почти сливающийся с чернильной темнотой, ужасающий одним своим видом танк непривычных контуров: наверное, вояки, по своему обыкновению, пригнали на обкатку новую технику. Зона для них давно уде стала полигоном для отработки новых образцов оружия, что, впрочем, неудивительно. Они, небось, сейчас даже руки потирают от удовольствия: повоевать с Зоной – это для них, кровососов, вроде праздника.

Его волокли все дальше, не давая поднять голову и сориентироваться. Лишь мельком он заметил еще несколько армейских тентованных грузовиков, пару джипов, и, вроде бы, силуэт «Града». Еще дальше, на полянке – знакомый силуэт армейского МИ-38. В общем, все чин-чинарем. И только ладная фигура офицера с откинутым капюшоном, безо всякой защиты на лице, смотрелась здесь конкретным диссонансом. Тот сидел за складным полевым столиком, перед мятой картой, придавленной армейским тактическим «планшетником». Курил. Ну, конечно, это же майор спецподразделения Восточного сектора – стальные яйца, его никакая зараза не берет, нахрена ему защита?

Молчаливые «профи» поставили его перед майором, подсветили лицо фонариком, заставив болезненно шуриться.

– Кто такой? – хмуро спросил майор. – Местный?

Хороший вопрос. Бука не чувствовал себя матерым лжецом, а под этим острым взглядом, как ему казалось, лгать вообще не имело смысла. И, все же, сходу признаваться в том, что он только что приперся из Зоны было бы, как минимум, неосмотрительно.

– Нет, – помотал головой Бука. – В гостях был...

– Сталкер? – прямо спросил майор.

Проклятье... Чутье у него такое острое или просто «на пушку» берет?

– Нет, – Бука снова помотал головой. – С чего вы взяли?

– Он конкретно фонит, – глухо сказала одна из фигур. В прорезиненной перчатке сверкнул армейский счетчик Гейгера со всеми дополнительными наворотами.

– В Зоне, значит, бывал? – сквозь зубы, неприязненно, процедил майор. – И не сталкер?

– Да тут кругом сейчас Зона, – резонно заметил Бука. – Еле убежал – на поселок мутанты поперли...

Словно в подтверждение его слов со стороны дороги раздался протяжный рев, оборванный мощным пулеметным огнем. Низко ухнул огнемет, харкнув длинной жирной струей: туши подстреленных мутантов предпочитали уничтожать на месте, стремясь не пустить заразу в карантинную зону.

– Складно поешь, – заметил майор. – Документы имеются?

Вот и допрыгались – документы ему подавай! Стараясь не менять интонации, Бука сказал:

– Так драпал же со всех ног, какие там документы? Там мертвецы с погоста поперли, вы бы видели...

– Чего я только не видел, – спокойно сказал майор, глядя на Буку все тем же пронизывающим взглядом. – Видел и врунов почище, чем ты. Обыскали его?

– Да, – отозвалась все та же фигура. – Вот...

Из перчатки на столик посыпалось скромное содержимое карманов Букиной куртки: несколько маминых бус вперемешку с волчьими брызгами, небольшой тусклый кристалл. А вот это уже не очень хорошо. Как же это он не успел скинуть хабар? Ясное дело – недостаток опыта. Это у сталкеров, таскающих артефакты через Периметр, все отработано до автоматизма: завидел ментов – тут же скинул хабар: «Что ты, начальник, это же не мое!» Самое интересное, что в большинстве случаев никто и не будет настаивать: менты сами найдут, куда сбыть «ничейный» хабар – а когда это «мусора» отказывались от лишних бабок? С вояками, конечно, сложнее, но ведь они тоже люди... Правда, в нынешней ситуации все выглядит несколько иначе. «Оранжевая тревога» – в переводе на русский – «режим чрезвычайной ситуации», что в контексте Периметра означает «военное положение». И сейчас на этом блокпосту майор этот – царь и бог. Ему ничего не стоит объявить подозрительного проходимца без документов мародером или пойманным с поличным сталкером, после чего пристрелить «при попытке к бегству». Впрочем, может, и обойдется: этот майор-стальные-яйца не похож на ссыкливых сосунков, палящих из БТРов по незащищенным людям.

– Интересное кино, – протянул майор, спокойно глядя на рассыпавшиеся артефакты. Он даже не подумал к ним прикоснуться, словно не испытывал ни малейшего интереса к темным драгоценностям Зоны. – И не сталкер, значит?

– Нет... – упрямо повторил Бука.

Он уже же был готов к долгому допросу, но со стороны бетонных блоков снова загрохотали выстрелы. К беспорядочному грохоту очередей и малопонятных команд из валявшейся на столе рации добавился звук электроприводов: ожила, поворачиваясь танковая башня.

– В комендатуру его! – отрезал офицер, щелчком отправляя окурки в темноту и резко поднимаясь со своего складного стула. – Пусть там разбираются!

К майору подскочил запыхавшийся старлей – с погонами притороченными на пятнистый комбез, с задранной на лоб «мордой противогаза». Небрежно отсалютовав, он заговорил быстро и малопонятно – уже вслед спешащему в темноту майору. Хлестко забил автоматический гранатомет, и тут же низко и мощно ухнула танковая пушка, что отдалось в ушах болезненным звоном.

А его уже волокли куда-то «в тыл». Все-таки, он добился своего: пусть даже таким, незапланированным образом, но он, все же, покинул, наконец, ненавистную Зону.

Глава третья. Комендантский час

Это же надо, какая честь – чтобы провезти задержанного через карантинную зону, тянущуюся еще на километр вглубь чистой, непораженной территории, специально выделили джип и пару угрюмых охранников. Хотя вряд ли стоило этому радоваться: похоже, что пронизательный майор что-то заподозрил. Вообще-то, если подумать, и впрямь подозрительно – из протянувшихся свежих «щупалец» Зоны Бука вышел в одиночку, целехонький, нетронутый ни аномалиями, ни взбесившимися мутантами, ни огненным шквалом «зачистки». При том он не видел больше никого, кто бы так же, как и он, покинул вновь возникшую карантинную зону. Через толстое, бронированное стекло Бука видел, как замелькали огни приближающегося города, машины, редкие человеческие фигуры на обочине. Вот он, Большой мир, отделенный от него крепкой железной дверью и вооруженной охраной. В этом городке царило оживление, надо думать, как раз по случаю военного положения: посты на перекрестках, бронемшины, мелькающие всюду каски и проблесковые маячки патрульных джипов. Гражданских на улицах, конечно же, не было, так как сейчас был объявлен неизбежный в такой ситуации комендантский час. Впрочем, горящие окна многоэтажек намекали на то, что жизнь, несмотря ни на что, продолжается. Здесь, в Чернобыле-7, как и во всех остальных городках, разбросанных по Периметру, давно уже привыкли к бесконечным тревогам и маневрам «голубых касок».

Большая часть населения давно уже вписалась в сложную систему отношений, сложившуюся вокруг Зоны. Люди живут и кормятся за счет военных, ученых и сталкеров, паразитирующих на теле Зоны. Специализированный закрытый НИИ с добрым десятком филиалов, многочисленные военные базы, общежития, гостиницы, туристические и развлекательные центры – пожалуй, все это слишком серьезно, чтобы волноваться по поводу очередного всплеска активности внутри Периметра. Напротив, следовало потирать руки и ждать новых вливаний в экономику огромного, разрастающегося предзонника.

Комендатура находилась на противоположной окраине города, на некотором удалении от жилых кварталов, ближе к Периметру. Плоское, двухэтажное, похожее на тюрьму здание, было окружено высокой кирпичной стеной с плотными витками «колючки» поверху и примыкало к одной из военных баз Восточного сектора. Две хорошо оборудованные огневые точки из бетонных блоков перед воротами, разбухшие от бронежилетов солдаты в низко нахлобученных касках, чуть поодаль – танк с длинным стволом, торчащим в сторону дороги и напоминающим сейчас шлагбаум. Выглядит все это грозно, но слишком по-человечески: для подавления бунта или схватки с нарушителями режима сойдет, но только не против Зоны. Впрочем, комендатура разместилась во вполне безопасном секторе, да и функции ее мало касаются Зоны, как таковой: здесь, как раз, работают с людьми.

Водитель, упитанный, мордатый сержант, остановился в холодном свете прожектора, у ворот, коротко посигналил. Навстречу вышел худой, как жердь, унылого вида часовой, заглянул в джип, еще больше ослепив всех светом мощного фонаря. Проверил документы, перекинулся с водителем парой невнятных фраз и кивнул: «Заезжай!». Массивные механические ворота с грохотом отъехали в сторону, и джип рывком вкатил во внутренний дворик. Водила притормозил у входа, но двигатель глушить не стал. Со скрежетом открылась задняя дверь, украшенная пыльной «запаской», и Бука спрыгнул на асфальт. Дверца захлопнулась, и машина, рыкнув, укатила обратно, за ворота, которые тут же, с тоскливым скрипом вернулись на место.

Ему не дали возможности подышать свежим воздухом и оглядеться: конвоиры сняли-таки свои маски, но к задержанному предпочитали не прикасаться. Указав стволами направление, они погнали его к какой-то боковой двери в приземистой кирпичной пристройке.

Наверное, такой прогон задержанных здесь – вполне отработанная практика. Перед дверью Бука остановился, и пока старший конвоир давил в большую, облезлую красную кнопку на черной решетчатой панели, обмениваясь фразами через прилаженное к стене переговорное устройство, Бука прочитал крупную трафаретную надпись над металлической дверью: «ОБРАБОТКА». И чуть ниже: «Без вызова не входить!»

Громко щелкнул механический замок. С Буки быстро сняли наручники. Один из конвоиров потянул на себя дверь, другой небрежно втокнул задержанного внутрь, напутствуя его словами:

– Не рыпаться там! Выполнять команды оператора!

Бука не успел ответить: дверь с грохотом захлопнулась у него за спиной, и он остался один в тесном кирпичном тамбуре. Тут же щелкнул замок следующей двери, и голос из динамика под потолком лениво произнес:

– Проходим в предбанник и раздеваемся...

– Совсем? – поинтересовался Бука.

– Выполнять! – прикрикнул динамик.

Ничего не оставалось, кроме, как подчиниться. Бука прошел в следующее помещение, которое отличалось от предыдущего только облицованными дешевым кафелем стенами. Еще здесь была длинная металлическая лавка. Бука понял, что ему предстоит повторить процедуру обработки, пройденную в доме почившего проводника – только на качественно ином уровне. Заметив в углу, у потолка черный глаз камеры, вздохнул и принялся раздеваться. Снова щелкнул замок – на этот раз двери из толстого матового стекла. Прошел в следующее помещение, которое ему сразу не понравилось: было здесь мрачно, влажно, а с потолка свисал гофрированный шланг с резиновым загубником.

– Шланг – в рот, – приказал все тот же голос. – Глаза и нос закрыть!

Послушно сунув в рот загубник, Бука зажал пальцами нос и зажмурился. Вовремя: со всех сторон ударили тугие холодные струи. Напор был мощным, и казалось, его просто принялись избивать странными пенными кулаками. От неожиданности он едва не упал, заметался, поскользываясь на гладком кафеле, пытаясь увернуться от едких, колких струй, но те находили его по всему пространству этой странной «душевой». Все кончилось так же внезапно, как и началось. Бука выплюнул загубник, схватился за лицо: как он не жмурился, эта дрянь проникла-таки в глаза и теперь жгла, словно норовя выесть их изнутри.

– Глаза не тереть! – прикрикнул голос. – Стоять на месте!

Со всех сторон ударили потоки раскаленного воздуха – и Бука нервно схватил загубник, чтобы не сжечь легкие. Едва эта попытка закончилась, и он стал сух и свеж, загубник с электрическим звуком ушел вверх, едва не вырвав ему зубы.

– Закрывать глаза ладонями! – велел голос.

Ошалевший от происходящего, Бука быстро выполнил приказ. И даже сквозь пальцы ощутил потоки нестерпимо яркого света, наполнившего помещение тревожным запахом озона. Тревожным – оттого, что в Зоне запах этот свидетельствовал о близости аномалии, связанной с высокими энергиями – вроде электры. Но кончилась и эта процедура, и задержанный, хорошо обработанный, вымытый и, как, наверное, здесь считали, обеззараженный, прошел в следующее помещение. Оно выглядело попроще – крашенные, все еще пахнущие свежей краской стены, лавки, узкие железные шкафы. И все те же двое конвоиров, брезгливо рассматривающих голого подопечного.

– Одевайся, – приказал старший, кивнув в сторону лавки. Там лежала плотно сложенная грубая серая роба. Бука напялил безразмерные штаны и рубаху, сунул ноги в какие-то, явно ношенные, кеды. Его одежду, надо полагать, отправили на уничтожение.

– Вперед! – приказал конвоир.

Миновав пост дежурного лейтенанта и сделав запись в его в толстом, потрепанном журнале, отправились по длинному коридору, до половины грубо выкрашенному синей краской, со стендами и бледными плакатами на стенах. Плакаты, как водится, призывали к бдительности и усердию в освоении средств радиационной защиты. Несмотря на обилие дверей по обе стороны, народу здесь практически не было. Может, дело было в позднем часе, а может, служащие сорвались отсюда по тревоге.

Вообще, на первый взгляд комендатура не производила того ужасающего впечатления, какое ожидал Бука, наслушавшийся рассказов сталкеров. Всякий раз рассказы эти велись раздраженным тоном и обильно разбавлялись нецензурной бранью. Ведь зачастую именно военная комендатура становилась для сталкера прямым трамплином на тюремные нары. По неопытности, Бука решил, что поскольку сталкером он не является, то и бояться ему, вроде бы, нечего. Оттого, проследовав мимо еще одного дежурного лейтенанта, он совершенно спокойно вошел вслед за конвоиром в просторный, заполненный табачным дымом кабинет.

Кабинет был довольно просторен, но поражал какой-то мертвой пустотой: из мебели был здесь лишь неказистый стол, сейф да пара стульев. На одном из них, навалившись локтями на стол, сидел капитан в общевойсковой форме. Точнее, в форменной рубашке при галстукке – китель висел на спинке стула. Капитан курил, изучая содержимое пухлой картонной папки.

– Здравия желаю! – неторопливо, с самоуверенной ленцой произнес конвоир.

– Здоров! – не поднимая головы, отозвался капитан.

– Принимайте задержанного, – сказал боец. – Бригада быстрого реагирования, вам должны были сообщить.

– Ага, – равнодушно сказал капитан, глядя на Буку красными, воспаленными глазами. – На посту оформили?

– Так точно. Вот это у него изъяли...

Старший конвоир положил на стол перед капитаном прозрачный пакетик с хабаром.

– Ага... – с удовлетворением произнес капитан, даже оживился немного. – Опасный? Финты какие-нибудь отмачивал?

– Да вроде, нет. Не сопротивлялся, попыток к бегству не совершал.

– Это облегчает дело, – кивнул капитан. – Ну, что же, тогда оставляйте его – и свободны.

Бойцы молча исчезли за дверью. Бука продолжал стоять, от нечего делать, наблюдая за капитаном. Тот, казалось, не замечал его присутствия, продолжал переключать бумажки и курить. Даже как-то неуютно становилось. Наконец, офицер потянулся к черному телефонному аппарату, снял трубку, подождал некоторое время, брезгливо раздавливая окурки в массивной, до краев заполненной пепельнице.

– Дайте «Сосну»! – вяло попросил капитан. – Кто на связи? Лыков? Да, я. Что там у вас? Лезут? Вот же сучье семя... Жертвы есть? Ох ты... Ну, да, в тот раз еще больше было... Ну, держитесь, что тут еще скажешь... Я что спросить-то хотел: нарушителей много задержали? Да, хотел узнать, сколько вы мне работы подкинете... Ну, да, и я о том же: удачно дежурство выпало, что б его... Ага... – он поднял усталый взгляд на Буку. – Да нет, одного пока... Ага... И на том спасибо. Ну да, на кой мне с ними возиться – что, мне премию за каждого дают, что ли? Ну, ты меня понял... Вот и ладненько.

Капитан положил трубку. И будто только сейчас заметил задержанного. На худом, изможденном лице капитана, появилась бледная улыбка.

– Вот и отлично, – сказал он. – Значит, один ты у меня сегодня. Так что поговорим спокойно, не торопясь, без нервов... А что это ты стоишь, как столб? Садись, садись, в ногах правды нет. Курить будешь?

– Нет, спасибо... – ответил Бука, присаживаясь на жесткий казенный стул.

– Это правильно, – с удовольствием закуривая очередную сигарету, заметил капитан. – Курить вредно. Правда, через Периметр лазить, говорят, еще вреднее, а?

– Я не знаю, я же не лазил, – сказал Бука, и даже сам ощутил, что фальшиво.

– Допустим, – добродушно согласился капитан. – А побрякушки эти откуда?

Капитан приподнял за уголок пакет с хабаром, поболтал им для придания своему вопросу весомости. К вопросу этому Бука успел подготовиться, а потому ответил незамедлительно, наверное, даже слишком быстро:

– Это не мое. Приятель меня на машине подвозил – когда тревогу объявили. Так машина по пути навернулась, приятель на мутантов нарвался, я сам еле успел сбежать... А это я на ходу, у него из бардачка подхватил. Ну, не пропадать же добру? Это же, вроде, денег стоит...

Капитан терпеливо внимал, чуть склонив голову на бок, и время от времени удовлетворенно кивал – как учитель, слушающий зазубренный ответ ученика. Страхнул выросшую на кончике сигареты пепельную «колбаску», сказал:

– Ну, да, складно рассказываешь. Конечно, незаконное хранение артефактов – это не вынос их из Зоны, и даже не сбыт. То есть, не уголовщина, а всего лишь административное правонарушение. Будь я сталкером – такую же историю слепил бы, только более правдоподобную. Нет, не спору – очень даже может быть. Здесь все промышляют этим дерьмом из Зоны. Не поверишь: однажды бойцы в детской песочнице пустышку откопали – так от нее фонило, как от атомной бомбы, квартал эвакуировать пришлось... Давай лучше о другом поговорим. Кто ты такой и откуда взялся?

– Документы там остались... – промямлил Бука, неопределенно махнув рукой.

– Это бывает, – согласился капитан. – Но есть у тебя фамилия, имя отчество? Как тебя звать? Где родился, учился? Кто может подтвердить твою личность, пока документы не восстановят, а?

«Началось», – мрачно подумал Бука. К столь подробному допросу он не был готов. Выложить сразу, кто он есть на самом деле – так это будет звучать еще большим враньем, чем начини он выдумывать себе на ходу новую биографию. Да и что он может выдумать – никогда не бывавший в этом огромном мире за пределами Периметра? Все, что он знал о жизни вне Зоны, складывалось из странных рассказов Дока, где правда смешивалась со сказкой, да из бессвязных баек сталкеров, у которых, как известно, язык развязывается только «под мухой». Но главное даже не в этом.

Ему не то что бы выдумывать себе фальшивую биографию нельзя. Правду сказать было бы еще хуже. Потому как награды за его несчастную голову никто не отменял. Пусть даже затихла давняя история с Маревым, пусть даже Хозяева (если это действительно были они) сняли заказ. Но кто может поручиться, что здесь, за пределами Зоны об этом знают? В конце-концов, охоту инициировали где-то здесь, в Большом мире, в котором он так стремился раствориться. Так что, по-любому выходило, что лучшее решение – не говорить вообще ничего.

– Ну? – снова произнес капитан, и нетерпеливо постучал по краю стола тяжелой авто-ручкой. – Фамилия, имя отчество!

– Вообще, у меня проблема, – как можно жалостливее, сказал Бука. – У меня, вроде как, память отшибло...

– Вот как? – сочувственно сказал капитан. – Амнезия?

– Налет был, – несколько оживился Бука. – Как вокруг мутанты полезли, так тут же со всех сторон – самолеты, бомбы... А потом так жажнуло, что не знаю, как вообще уцелел. Помню только, как из канавы вылез, как на блок-пост вышел. А вот то, что вы сейчас спросили – так это все будто из головы вышибли... – Бука принял задумчивый вид, напряженно наморщил лоб. – Нет, ничего про себя не помню. Даже не знаю, что делать...

– Даже, как зовут, не помнишь? – нахмурившись, произнес майор.

– Ага... – Бука виновато потупился, шмыгнул носом.

В кабинете повисла тяжелая пауза. Было слышно, как за окном рокочут моторы, и кто-то громко отдает приказы. Капитан некоторое время разглядывал задержанного, продолжая выстукивать по столу какой-то неторопливый ритм. Затем заговорил негромко:

– Слушай, парень, я ведь с тобой пока без протокола говорю. Здесь тебе не «ментовка», так что я могу и без бумажек. А могу и по-другому, и поверь: этот разговор тебе не понравится. Не знаю, что ты там вбил себе в голову, но одно могу утверждать наверняка: ты уже по уши в дерьме, и все норовишь зарыться поглубже. Ну, к чему все это вранье? Ей-богу, ты ведь и врать-то толком не умеешь.

– Я не вру, – упрямо сказал Бука. – Я и вправду не помню, кто я такой и откуда.

Он уже понимал, что «поплыл». И только теперь до него стало доходить, отчего сталкеры так боятся попадать в эту проклятую комендатуру. Было во всем этом что-то бездушное, непробиваемое, совершенно безнадежное. Любую аномалию можно обмануть, обойти, от мутанта – отстреляться или убежать. Но сейчас Буке казалось, что он увяз, будто в трясине, и нет из этого болота никакого выхода. Потому что в этом мире работают другие законы: судьбу человека здесь могут решить невидимые и неосязаемые вещи, вроде имени, даты и места рождения, службы, учебы, набора других данных, которые, будучи изложены на бумаге и придавлены печатью, приобретают такую пробивную силу, по сравнению с которой РПГ – полное барахло. Все это было слишком сложно, слишком тяжело для уставшего от впечатлений парня из-за Периметра. Бука ощутил, как по щеке стекают капельки пота.

– Ну что, будем говорить или продолжим ваньку валять? – поинтересовался капитан каким-то новым тоном.

Бука промямлил, было, что-то в ответ, но тут случилось нечто совершенное неожиданное: капитан резко поднялся, стремительно приблизился к задержанному, на ходу расстегивая на ремне кобуру, хищно завис над ним, и вдруг заорал надсадным, замогильным голосом:

– Ты будешь колоться, гнида?! Будешь говорить, падла?! Фамилия, имя, отчество – быстро! Убью, сука!!!

В этот момент Бука испытал самый настоящий ужас. Не от крика, и даже не от ощущения уткнувшегося в шею холодного пистолетного ствола. Он даже не представлял, как это возможно – как этот, вполне приятный в общении офицер так быстро потеряет человеческий облик, превратившись в совершенно невообразимого упыря. Даже показалось на миг, что в кабинете потемнело.

Бука застыл, глядя на капитана снизу вверх выпученными от изумления глазами, и даже мощная, умело отвешенная затрещина не привела его в чувство. Со следующим ударом он полетел со стула, болезненно ударившись о батарею, попятился, не отрывая взгляда от надвигавшего на него капитана. Бледное лицо того налилось краской, сделавшись пунцовым, и еще больше осунулось. Казалось, сейчас он вцепится подозреваемому в глотку и начнет рвать из него куски мяса...

Дверь распахнулась, и показалось озабоченное лицо дежурного:

– Все в порядке? – быстро спросил лейтенант.

– Нормально, – мгновенно вернув себе расслабленное и вполне человеческое выражение лица, сказал капитан. – Видишь, подозреваемый со стула свалился. Устал, говорит, очень – хабар через Периметр тащить утомился.

– А-а... – с пониманием оскалился лейтенант. – Тогда ладно.

И прикрыл за собой дверь. Капитан вернулся за стол, закурил. Окликнул застывшего на полу Буку:

– Эй, хорош валяться, не на пляже. Садись!

Все еще толком не придя в себя, Бука медленно поднялся. Он не отводил взгляда от капитана, от которого теперь ожидал, чего угодно. Стало еще понятнее, отчего сталкеры ненавидят это место: у его хозяев отсутствуют какие бы то ни было барьеры поведения, и при этом

они обладают полной безнаказанностью. Там, Зоне, он имел бы целый ряд вариантов действий в подобной ситуации: договориться «по понятиям», удрать, дать этому психу «в табло», пристрелить или легонько подтолкнуть к случайно подвернувшейся аномалии. Но в чужеродном, замкнутом пространстве комендатуры, с толстыми крашеными решетками на окнах, с вооруженными дежурными в коридоре и постах на входах и выходах, он ощутил вдруг свою полную беспомощность и ничтожность. Наверное, это было одним из первых уроков Большого мира, который, словно желал ткнуть его в один-единственный факт: в этом мире ты никто. Песчинка.

Совершенно сбитый с толку подозреваемый осторожно вернулся на место. Присел на краешек стула, исподлобья глядя на хозяина кабинета.

– Значит, так, – устало сказал капитан. – Нет у меня никакого желания агитировать тебя на чистосердечное признание. Может, ты даже не врешь – ночь сегодня беспокойная, все могло случиться, даже память отбить. Личность твою мы выясним и сами, благо техника на нашей стороне. Сейчас отправишься в медицинский кабинет, у тебя возьмут образцы для анализа ДНК. До утра посидишь в камере, подумаешь. Ну а завтра советую тебе придумать байку получше: меня сменит капитан Кочетов, этот не будет с тобой сопلي размазывать. Если ему что не так покажется – костей не соберешь. Понял?

– Понял... – пробормотал Бука.

– Вот и славно, – решил капитан. Гаркнул:

– Дежурный!

...Лейтенант проводил его в медкабинет – тесное помещение, в котором имелась одна лишь узкая кушетка, обтянутая белоснежным чехлом, пара белых шкафчиков, небольшой стол с двумя стульями. Их встретила дежурная сестра – нарочито строгая, но миловидная, волнуяще пахнувшая странным сочетанием медикаментов и духов – у Буки аж закружилась голова от нахлынувших чувств. Лишь сейчас, с какой-то тупой внутренней ухмылкой, Бука отметил для себя, что никогда не задумывался, как много в этом мире женщин – тех существ, что были в Зоне в диковинку, если не на вес золота. Секунду спустя он ужаснулся: если одна единственная женщина в его жизни так сломала его, будто бы вместе с собой вывернув наизнанку его душу – как же жить в окружении миллионов существ противоположного пола?..

– Анализ ДНК, – коротко сказал лейтенант, обменявшись с сестрой многозначительными взглядами. Похоже, они были знакомы, и знакомы довольно близко.

– Потрите щеку со внутренней стороны! – сходу потребовала сестра, протягивая зажатую в пинцете ватную палочку.

Бука тупо выполнил требуемое. Пластиковая палочка отправилась в маленький целлофановый пакет, промаркированный непонятными каракулями и штрихкодом.

– Закатайте рукав, – продолжила сестра, колдуя с медицинским оборудованием.

Сев на кушетку, Бука закатал рукав своей робы. Тонкая рука с ярко покрашенными, длинными ногтями протерла сгиб его руки ватным тампоном.

– Мы дублируем материал для анализа, – пояснила сестра, вскрывая упаковку с иглой и скрученной прозрачной магистралью. – Поэтому, кроме соскоба со щеки, берем образец крови...

Бука послушно подставил руку, наблюдая как утекает из вены струйка густой темно-красной жидкости. При этом он все не мог оторвать взгляда от ее лица, словно не мог насытиться видом женской красоты. Даже заметил краем глаза ревнивый взгляд лейтенанта, наблюдавшего за процедурой от двери. Все его фривольные мысли улетучились, когда он подумал: что же будет, когда придут результаты теста? Сердце вдруг пропустило такт и заколотилось быстрее: неужели так действительно можно узнать, кто же он на самом деле?! Но почему этого не сделал в свое время Док – а он наверняка мог бы... Может, с его личностью действительно связаны какие-то вещи, которых лучше и не знать вовсе?

Из медкабинета он вышел в полнейшем смятении. Он не чувствовал больше опоры под ногами, потеряв всякую уверенность в себе и правильности собственных действий. Здесь, в Большом мире, он вдруг ощутил себя беспомощным чужаком. И ощущение это было на редкость гадостным. Самое в время, чтобы усомниться в своем главном решении – навсегда покинуть Зону.

Его снова повели по коридору. Навстречу, ввалившись через какую-то боковую дверь, двигалась группа крепких мужиков, увешанным тяжелым снаряжением и оружием. Бука сразу узнал амуницию военных сталкеров. Но только поравнявшись с ними, понял, что лицо одного из них ему знакомо. И пока он соображал, где он мог видеть это выразительное, даже жутковатое лицо, сталкер поймал его взгляд.

На какое-то мгновение в глазах его появилось недоумение, сменившееся растерянностью, что в следующую секунду уступила место изумлению. Не было никаких сомнений: сталкер узнал его. И только, когда группа, тяжелым шагом прогрохотала мимо, Бука покрылся ледяным потом: он вспомнил.

Сталкера звали Попугай. Не от названия птицы – а от действительно пугающего, обезображенного Зоной лица. Но сейчас пугала не внешность сталкера, а кое-какие обстоятельства, заставлявшие сейчас серьезно нервничать. Бука обернулся – быстро, как бы невзначай – и снова уставился вперед, стиснув с досады зубы: сталкер отстал от группы и стоял теперь посреди коридора, внимательно глядя ему вслед. Как оценивающий добычу кровосос.

Проклятье! Только этого не хватало! Если бы сейчас представилась возможность бежать – он не преминул бы моментально ею воспользоваться. Может быть, ему удалось бы свалиться с ног сопровождавшего и завладеть его пистолетом. Может, даже, удалось бы прорваться через посты у дверей. Правда, пришлось бы стрелять в людей, а к этому Бука не был готов.

Но все это чушь. Потому что проклятый Попугай не дал бы ему уйти. Ни за что. И все, на что еще можно было надеяться, так на то, что Попугай решит, что попросту обознался...

Дверь камеры с грохотом закрылась у него за спиной. Мебели здесь не было никакой – один лишь деревянный помост, выполнявший роль лавки и кровати. Узкое окошко под потолком забрано в решетку, скудный свет от крохотной лампочки – вот и все, что осталось ему. Впрочем, комендатура блеснула невиданным проявлением гуманизма: минут через пятнадцать в толстой двери открылось окошко и запанный часовой протянул узнику жестяную кружку с темным сладким чаем и толстый кусок хлеба с кубиком масла. Бука устроился на лавке и стал есть. Зона приучает к определенным способам поведения: если в непонятной ситуации тебе перепадает возможность пожрать – надо жрать, даже, если кусок в горло не лезет, и набивать пузо по максимуму. Потому как силы могут понадобиться в самый неожиданный момент, а поесть, может, в этой жизни больше не доведется. Сладкий чай и ароматный хлеб с армейской пекарни выросшему на концентратах Буке казались чем-то невероятным. Только ради такой жратвы стоило поселиться в Большом мире. А вот, поди ж ты: народ продолжает лезть отсюда в Зону, не брезгуя консервами сорокалетней выдержки и паленой водкой, какой угощают в баре «Сталкер». Что ни говорите, а понять это просто невозможно...

За дверью раздались шаги. Бука замер с кружкой у рта. У него появилось плохой предчувствие. Грохнули засовы, открылась дверь, и в камеру вошел давешний капитан, и следом... Черный Сталкер! Конечно же, Попугай, чтоб ему пусто было!

Дверь за их спинами тут же захлопнулась, и оба теперь свысока рассматривали застывшего Буку. Причем в глазах капитана появилось совершенно новое выражение.

Интерес. Живой, неподдельный – полная противоположность тому равнодушному взгляду, который до сих пор доминировал на его осунувшемся бледном лице.

– Ну? – произнес капитан, обращаясь к сталкеру. – Ты уверен?

– Он, – хрипло сказал сталкер, сверля Буку взглядом маленьких острых глазок. – Это Бука.

– Тот самый, значит... – задумчиво проговорил капитан.

Бука медленно поставил кружку на грубо окрашенные доски. Это было то, что Маус называл веским словом «попадос»: похоже, он действительно попал. И попал конкретно: шансы выбраться из комендатуры в Большой мир таяли с каждой секундой. Собственно, их, шансов, уже не осталось. Все-таки, прав был Маус: гнида он, этот Попугай. И, видать, гнидой и сдохнет.

– Что-то не верится, – покачал головой капитан, разглядывая задержанного, как диковинного зверька. – Это за этого парнишку миллиард давали?

– Миллиард баксов, – уточнил Попугай, и глаза его неприятно сверкнули. – Причем только за голову. За тело давали еще десять миллионов – это уже институтские. Понимаете, к чему я это?

– Не совсем.

– Заказ на голову сняли, – пояснил Попугай с плохо скрываемой досадой. – Уж не знаю, кто там был готов раскошелиться – поговаривают, что сами Хозяева...

– Вранье, никаких Хозяев не существует, – отрезал капитан.

– Ну да, ну да, – промямлил Попугай. – В общем, охота на паренька мал по малу сошла на нет. Повезло ему.

Бука с ненавистью посмотрел на Попугая. Это ведь он, подонок, растрепал тогда о нем и его группе! Обещал же молчать – и сдал, падла! Продажная шкура, одно слово – наемник.

– Так вот, – продолжал сталкер. – Основной заказ сняли, но второй-то остался.

– Так-так... – оживился капитан.

– Ага, – кивнул Попугай. – Институт все еще хочет заполучить его.

– Живым или мертвым? – быстро спросил капитан.

Глазки его забегали, словно подсчитывая что-то в уме, продумывая ходы и подчищая противоречия в документах. В этот момент Бука ощутил себя самым натуральным мясом. Именно так – радиоактивным мясом на продажу. У институтских такой товар идет нарасхват. Говорят, в лабораториях всегда дефицит материала для бесконечных опытов. И сколько бы ни тащили туда артефактов, живых и мертвых мутантов – их всегда будет недостаточно, чтобы проклятые яйцеголовые пресытились, наконец, материалом, удовлетворили свои бесконечные амбиции. Говорят, в Институте и его филиалах идет настоящая грызня за открытия и сенсации, и большинство Нобелевских лауреатов последних лет возвращены на крови сталкеров, добывавших для них ценные образцы.

Осознавать, что ты сам станешь одним их таких образцов, было страшно. Среди сталкеров ходило немало историй о том, что же в действительности происходит в закрытых лабораториях Института. Рассказы эти были слишком жуткими, чтобы поверить в них, но именно сейчас перед глазами возникли те самые картины...

– У меня есть серьезные выходы на администрацию Института, – говорил, между тем Попугай. На старого знакомого он даже не смотрел. – Я выполнял для них кое-какие заказы, так что мне доверяют. Думаю, можно будет тихо передать материал им, вопрос с переводом денег тоже отработан. Главное, подчистить следы в комендатуре – чтобы не было лишних вопросов.

– Это будет непросто, – заметил капитан.

– Но это необходимо, – нахмурился Попугай. – Представляете, сколько народа захочет залезть в долю? Не факт, что нас с вами вообще не отодвинут в сторону.

– Это точно, – хмуро сказал капитан, уставившись в стену. – Я что-нибудь придумаю.

– Было бы неплохо, – быстро сказал Попугай. – Если дело выгорит, то профит – пополам.

Бука чуть не взвыл от бессилия и жалости к себе самому. Складывалось ощущение, что его судьба находится в руках этих двоих, и судьба это, по сути, решена. Это было не просто неприятно – от этого кровь стыла в жилах. Еще немного – и воля его будет сломлена, как у барана, которого тащат на убой... Впрочем, оставался последний шанс на то, что его не превратят в овощ, и он сможет договориться о более-менее гуманном обращении.

– Сообщите обо мне Антонову! – сжав кулаки, крикнул он.

Но два «бизнесмена» от Зоны, казалось, не замечали его, сжавшегося у их ног: теперь он стал для них лишь «материалом», говорящей разновидностью хабара.

– Он ученый, из Института! – отчаянно крикнул Бука, вскакивая на ноги, подаваясь вперед.

Мощным толчком Попугай отправил его к противоположной стене. Бука кубарем отлетел в угол, понимая, что бессилен против этого крепкого, закаленного в боях и драках мужика. А был еще и капитан...

Он уже был готов смириться, умолкнуть и замкнуться в себе, когда, словно по наитию добавил, уже тише:

– Он даст лучшую цену...

Попугай замолчал, посмотрел на Буку, прищурился, вспоминая:

– Как ты сказал? Антонов?

– Да, он доктор наук, руководитель отдела... – Бука нервно облизал губы. Больше всего он сейчас боялся, что оборвется эта тоненькая нить общения – пусть даже с тем, кто был сейчас его смертельным врагом. Пока говоришь с врагом, остаются минимальные шансы выцарапать себе спасение.

– Это который Антонов? Лысый, что ли, тот, что был с вами в баре? В «Сталкере»? Так он жив еще?

Буку перекосило от ненависти: у него еще хватает наглости задавать такие вопросы! Благодаря этой продажной шкуре едва не гробанулась вся группа, а он... Впрочем, сейчас стоило взять себя в руки и отвечать по существу. Ведь только Антонов мог подарить ему шанс на нормальный исход всей этой мерзкой истории.

– Тот самый, – отрывисто сказал Бука. – Он предлагал мне пройти исследование в Институте. Денег обещал.

– Он из какого филиала? Отдел? – быстро спросил Попугай.

– Я не знаю...

– Ладно, выясним, – нетерпеливо оборвал его сталкер, перевел взгляд на капитана. – Может, его дружок, действительно замолвит словечко. Главное, чтобы это не оказалось подставой. Но надо что-то решать с его статусом. Лучше, чтобы он вообще никогда в комендатуре не появлялся. Вы меня понимаете?

– Пойдем, – сказал офицер, подталкивая сталкера к двери... – Надо кое-что обсудить...

Постучал кулаком в дверь. Та щелкнула, приоткрылась, показался настороженный часовой. Попугай вышел первым. Капитан задержался на несколько секунд, выразительно глядя на задержанного.

– Вот видишь, – беззлобно сказал он. – А ты говоришь – «амнезия»...

Глава четвертая. Откровение

Оставшись в одиночестве, он некоторое время приходил в себя. Затем вдруг в ярости треснул кулаком по доскам настила. Его охватила запоздалая злость – на самого себя, малодушно спасовавшего перед этими монстрами в человеческом обличье. Конечно, можно пенять на неопытность, на то, что он – темный забитый звереныш, выросший среди мутантов и аномалий и понятия не имеющий о сложностях, царящих за пределами привычного мира. Но все это – лишь жалкие оправдания трусости.

Хотя бояться было чего. Если его действительно продадут Институту... Буку передернуло. Даже думать не хотелось об этих мясниках в белых халатах: он достаточно насмотрелся на то, что они вытворяли в Зоне. Представить же, что они сотворят с ним на своей территории, было просто невозможно... Проклятье! Нужно бежать. Исткать все мыслимые и немыслимые способы – и бежать!

Он и сам не заметил, как задремал – вжавшись в шершавую стену под окном, на теплом деревянном настиле. Проснулся он от неприятно знакомого ощущения. Еще не успев открыть глаза, услышал звук – тоненькое электрическое потрескивание в противоположном углу. К горлу подкатил неприятный ком, Бука не решался открывать глаза, старательно убеждая себя, что продолжает спать. Мало ли, что приснится на новом месте после всего пережитого? Нужно просто расслабиться и попытаться спать дальше – пока все ни забудется, ни расплывется зыбким туманом...

За окном раздался протяжный вопль, оборвавшийся. И тут же ночную тишину прорезали хлесткие звуки очередей. Длинный, протяжный вой – и тут же хлопок выстрела из РПГ. Раскатистый взрыв в отдалении, снова беспорядочные выстрелы.

Теперь не оставалось никаких сомнений. Ощущая внутри себя леденящее дыхание холода, Бука медленно открыл глаза.

Конечно же, он сразу заметил эти тоненькие всполохи. Секундой позже ощутил – теми самыми, незнакомыми людям чувствами, ради которых его, наверное, его и хотят порезать на мелкие кусочки, размазать по стеклышкам, чтобы пялиться в микроскопы и довольно потирать ладошки в латексных перчатках.

В углу камеры уютно примостилась самая натуральная мясорубка. И если сопоставить этот невероятный факт со звуками, доносящимися с улицы, можно было отбросить всякие сомнения.

Зона добралась и сюда.

Бука вжался в стену, обхватил ноги, уронив голову на колени: его била мелкая дрожь. Не от страха – ведь прелести Зоны могут испугать кого угодно, только не его, словно созданного для жизни в этой болезненной, опасной, но такой привычной среде. На него вдруг обрушилось понимание. Пока еще робкое, все еще готовое отступить под напором весомых аргументов. Но дело-то в том, что не было их аргументов, и оставалось одно лишь осознание простого, как сама смерть, факта.

Ему не сбежать из Зоны. Она найдет его везде, где бы он ни прятался, и в любом месте окружит столь же привычной, сколь и ненавистной обстановкой. И везде, куда бы он ни пошел, будет Зона. И везде вокруг него будут гибнуть люди...

За окном мощно гроыхнуло, дрогнули стены, и камера озарилась отблесками пламени. Прямо за стенами комендатуры шел бой. Кто-то отчаянно матерился, отдавая команды, заглушаемые очередями крупнокалиберного пулемета. Снова взрыв – и нарастающий рев вертолетных лопастей. Бука обхватил лицо руками и тихо засмеялся. Наверное, так накачивает истерика. Он не успел углубиться в темную бездну, засасывающую омертвевшую душу: звуки

внешнего мира не дали ему замкнуться, резко вернув к реальности. За дверью раздались крики, звуки борьбы, и тут же заскрежетал засов.

В камеру ворвался Попугай – с автоматом в руках, взмыленный, с закопченным лицом, ставшим еще страшнее, чем прежде. Он вскинул оружие и сходу уперся стволом в грудь Буки. Сталкера трясло от возбуждения и ненависти.

– Это ведь ты! – прохрипел он. – Точно – ты!

Бука не ответил: от удара холодной железкой у него перехватило дыхание. Стиснув зубы, он заставил себя взглянуть прямо в глаза этому страшному человеку.

– Что – я?! – крикнул Бука, отползая назад, отпихивая от себя назойливый ствол.

– Я знаю! – прорычал сталкер, хватая автомат за цевье и выбрасывая вперед руку с зажатым в ней детектором аномалий. – Будь я проклят – еще одна...

Он медленно опустил детектор, не спуская глаз с Буки, осторожно покосился в сторону невидимой мясорубки. Это всегда страшно – ощущать рядом смертельную аномалию, не зная, как поведет себя в следующую секунду убийственное порождение Зоны.

– Это ты сделал, да?

Бука не ответил. Он уже понял, в чем хочет обвинить его чертов наемник. Но тот уже говорил, прислушиваясь к собственным словам, будто отказываясь верить самому себе:

– Это ведь ты привел за собой Зону! Так?

– С чего ты взял... – Бука с трудом нашел в себе силы, чтобы ответить. Трудно спорить с вещами, с которыми ты заранее согласен. Он просто не отошел еще от позиции отрицания, продолжая ощущать себя, как на допросе, среди враждебного и опасного окружения.

– Не отпирайся, – на обезображенном лице Попугая с трудом угадывалась злая усмешка. – Я знаю! И посредники про тебя говорили, что ты монстр...

– Что? – пробормотал Бука.

Он сразу понял, о каких посредниках говорит этот человек. Посредники Хозяев, те самые, что предлагали немыслимую цену за его жизнь. А Хозяева знают, за что платят.

– Что слышал! – огрызнулся Попугай, жадно, но, вместе с тем, в неприкрытом омерзением рассматривая Буку. – Ты не человек... Нет, ты не человек... Ты ведь просто тварь из Зоны, мутант, вроде кровососа! Ты только претворяешься человеком – а вокруг тебя люди мрут, как мухи! Ты же просто питаешься человеческими жизнями Так?! Ты просто опасная тварь!

Он будто бы даже обрадовался такому выводу – словно это утверждение развязывало ему руки. Проклятье – да ведь так оно и было! Теперь даже остатки совести не остановят этого подонка, чтобы продать его мясникам из Института – хоть целиком, хоть по частям, если это будет выгодно.

– Тварь! – с удовлетворением, будто пробуя слово на вкус, повторил Попугай. – Ну, что же, я спасу от тебя человечество...

– У тебя, часом, не мания величия? – с трудом выдавил Бука. – Спасти человечество? От меня?

Прямо за окном раздались полные ужаса вопли, оборванные звериным рыком. Теперь оттуда доносилось лишь удовлетворенное чавканье.

– Тварь... – повторил наемник. Он подзадоривал самого себя, убеждая в справедливости собственных выводов. – Твои слова – они вроде бормотания плоти, так? На, надевай! Быстро!

Он швырнул Буке наручники. Тот неумело защелкнул на своих запястьях жесткие браслеты. Не сводя с него взгляда, Попугай, толкнул ногой дверь. В проеме тут же показался бледный, как смерть, дежурный лейтенант, за которым прятался растерянный часовой.

– Куда?! – выкрикнул лейтенант, расстегивая кобуру. – Выводить задержанного запрещено!

– А ты подойди и сам посмотри! – спокойно предложил сталкер, указывая в глубину камеры.

– Что такое? – недоверчиво проворчал дежурный, осторожно входя в камеру. В отведенной руке он сжимал «макаров» со взведенным курком.

– Это называется «мясорубка», – пояснил сталкер и неожиданно, пинком отправил лейтенанта в угол. Тот успел лишь взмахнуть руками, ахнуть – и неловко повалился на пол, рефлекторно отбросив назад руку. Она-то и коснулась притаившейся в углу аномалии.

Сколько уже доводилось видеть это зрелище, но привыкнуть к такому трудно. Лейтенант даже ойкнуть не успел, как неведомая сила дернула его за руку, утаскивая в призрачное ничто. Затрещали электрические разряды – но даже они не были в состоянии заглушить треск ломающихся костей. Дергающееся тело лейтенанта будто выкручивали – как мокрую тряпку, одновременно проворачивая и зажаривая, словно мясо на мангале. Тонкой струйкой, образуя на полу грязноватую лужицу, заструились выдавленные из тела соки. Тут же, у входа шумно стошнило часового. Чад горелой плоти мгновенно распространился по камере, Попугай брезгливо поморщился и коротко взмахнул автоматным стволом:

– Идем, тварь. Быстро.

Он вел Буку по пустому коридору, нервно озираясь, будто ожидая неожиданного нападения, и без конца пялился в детектор. Бука не чувствовал новых аномалий внутри помещения, но всем телом ощущал, как Зона сжимает кольцо вокруг здания. Необъяснимым образом он понимал: Зона не стала более враждебной по отношению к нему. Скорее наоборот – она словно стремится компенсировать вокруг своего отпрыска недостаток привычных условий. Конечно же, Бука не мог понять происходящего. Вывод, к которому самостоятельно пришли и он, и опытный сталкер по прозвищу Попугай, говорил лишь одно: Зона действительно следует за ним, будто крадется по пятам. Но была ли здесь какая-то закономерность, или же это – просто страшноватое совпадение? Если на этот вопрос и могли ответить – то только лишь в Институте, которому и хотел продать живую игрушку беспринципный наемник...

Уйти им не дали. Коридор наполнился грохотом тяжелых армейских ботинок, и беглыми командами офицеров:

– Занять оборону, быстро! Первый взвод – на месте, второй – правое крыло, третий – левое! Следить за секторами обстрела, контролировать окна! Глаз не спускать с детекторов аномалий!

Сталкер вжался в стену: мимо, с искаженными от напряжения лицами промчались обвешанные оружием и спецоборудованием бойцы. Закравшаяся, было, мысль улизнуть под шумок была оборвана ощущением автоматного ствола под ребром и хриплым предупреждением:

– Даже не думай!

И тут же перед ними возник рослый, грузный, седой полковник лет пятидесяти, из-за широких плеч которого озабоченно выглядывала пара офицеров в полевой форме, против обыкновения, вооруженных автоматами.

– Кто такие? Откуда? – быстро, с напором спросил полковник, надвигая на лоб фуражку. – Быстро!

– Вольноопределяющийся специалист, – быстро ответил Попугай. – Прибыл отметить. Со мной задержанный по подозрению в сталкерстве...

– Сталкеры, значит? Один контрактник, второй нарушитель? – не слишком почтительно оборвал Попугая полковник. – Не люблю я вашего брата, особенно контрактников: сколько волка ни корми... Но сейчас вы здесь вовремя: Зона прет, так что самое время для вас продемонстрировать хваленые навыки! Ты, вижу, с оружием...

– Не успел сдать... – быстро сказал Попугай.

– Молодец, что не успел, – полковник перевел взгляд на Буку. – Снять с него наручники. Я распоряжусь, получишь автомат...

– Он опасен! – возразил сталкер.

– Я не привык повторять дважды! – набычился полковник. – Снять наручники! У меня каждый человек на счету!

Попугай сжал зубы, было видно, как играют желваки на его изуродованном лице, и Бука даже знал, что хочет сказать, но никогда не скажет чертов наемник: что рядом с ними не человек, а тварь похуже мутантов, осадивших комендатуру. Но он взял себя в руки и снял с задержанного наручники, аккуратно засунув в карман разгрузочного жилета. Бука потер отекавшие запястья.

– Вообще-то, мы собирались уходить, – с некоторым вызовом возразил Попугай. – У меня встреча назначена, в Институте. Нас там ждут очень серьезные люди...

– Ты что, сталкер, обалдел?! – заорал вдруг полковник, и даже звероподобный Попугай вздрогнул, ощутив на лице капельки брызжущей изо рта слюны. – Какие, на хер, встречи?! У меня мутанты полбазы разворотили, бойцы в аномалияхдохнут, я здесь оборону занимаю, как, мать его, в Сталинграде! А у него, м-мать, свертский раут?! Рыпнетесь в сторону – расстреляю на месте, как с-сукиных детей! Волгин!

– Я! – мгновенно отозвался один из офицеров, очевидно адъютант – или кто он там был при полковнике.

– Отвечаешь мне за этих двоих – чтобы под рукой были! – гаркнул полковник. – Сейчас сориентируемся – пошлю их вперед, будут нам путь в аномалиях прокладывать. Найди все, что им нужно – приборы, гайки их чертовы – что им еще надо? Найти остальных наемников – где они?

– Вернулись с заданий, сдали оружие, по домам разошлись, – мрачно сказал Попугай. – Ребята устали – только с переднего края. Кто ж знал, что Зона сюда доберется?

– Найти всех! – приказал полковник. – Вызвонить, вытащить из дома – и сюда! Если накроется комендатура и штаб сектора – головы полетят!

– Так штаб же далеко, – не очень уверенно сказал Попугай.

Но полковник уже двигался дальше по коридору, оглашая воздух рваными фразами приказов.

– Вперед! – приказал Волгин, оставшийся рядом с Попугаем и Букой.

Бука в нерешительности глянул на старлея. Поймав краем глаза напряженный взгляд сталкера, понял, что сейчас не лучшее время жаловаться на спутника. Ситуация складывалась явно не в его пользу и следовало, как минимум, выждать.

Первый взвод занимал помещение то ли актового зала, то ли «красного уголка», – просторное, угловое, с несколькими узкими окнами-бойницами в толстых стенах. Это давало неплохой обзор и помогало занять удобную оборонительную позицию. Свет в помещении не горел, только монитор тактического компьютера в руках у связиста немного рассеивал мрак. Сейчас бойцы переводили дух после очередной атаки со стороны ночного мрака, в который уставились автоматы и пулеметные стволы. Лейтенант с закопченным от дыма лицом отчитывался перед каким-то «подполом», склонившимся над картой. Похоже, подразделения собирали прямо на ходу, из уцелевших, не сильно разбираясь в тонкостях субординации.

– ...Мутанты чрезмерно агрессивны, – бегло говорил лейтенант, поглядывая в сторону окна. – Лезут под пули, смерти не боятся, да одной пулей такого не свалишь. Черт его разберет – может, зомби или даже снорки...

– Я кровососа видел, – вставил бледный сержант с тубусом «шмеля» в руках. – Ей богу, не вру!

– Непонятно, откуда они в таких количествах взялись... – добавил лейтенант.

– Может, свежие? Из местных? – предположил подполковник. Он был мрачнее тучи, завидев вошедших, прищурился, мрачно ухмыльнулся и подманил жестом. – Эй, ты! Сталкер? Ну-ка, иди сюда, есть вопросы!

Попугай незаметно подтолкнул Буку. Тот не отводил взгляд от окна: что если прямо сейчас взять, да и нырнуть туда, в темную прохладу? Да, аномалии, да мутанты взбеленились. Но он просочится, прорвется и уж точно – больше не попадется в лапы военных...

– Забудь! – прямо в ухо, обдавая несвежим дыханием, произнес Попугай. – Пристрелю сразу!

Бука мигом сник и опустился на один из множества стульев, что стояли здесь или валялись, отодвинутые от окон, возле которых расположились солдаты. Это были обыкновенные контрактники, с базы по соседству, из которых, в лучшем случае, составляют экипажи патрульных джипов, а зачастую просто ставят в оцепление. Главная же их задача – не население от Зоны защищать, а охранять саму Зону от любопытных глаз посторонних, слетающих сюда со всех сторон, как в громадный радиоактивный Диснейленд. Да, это совсем не те опытные «крысы войны», каких он встретил на выходе из поселка. И глаза у них другие: растерянные, напуганные. Если мутанты полезут всерьез – эти не устоят. И даже отцы-командиры не помогут. На этот случай существует спецназ и военные сталкеры. Но и те сейчас заняты на других участках, а потому этот подполковник смотрит на Попугая, как на манну небесную.

– Слушай, сталкер, – заговорил подполковник, тыча в карту авторучкой. – Нам людей выводить надо. Как это сделать с минимальными потерями? Вот, видишь – границы пораженного сектора, координаты по радио скинули. Смотри мы – в самом центре...

Попугай, не переставая наблюдать за Букой, коротко глянул в карту.

– Не вариант, подполковник, – он качнул головой. – Организовано столько людей не вывести – по крайней мере, пока Зона не устанет. Смотри: здесь и здесь дорога по городским кварталам. А если зомби действительно отсюда прут, может, там ими уже все дома напичканы.

– Что, гражданские стали зомби? – изумленно пробормотал лейтенант.

Ей-богу, дурачок. Совсем новенький, что ли?

– Когда Зона решит из тебя сделать зомби или, скажем, снарка, она это сделает и военный билет не спросит, – терпеливо пояснил Попугай. – Никто не знает, как и откуда берутся снарки, откуда зомби или кровососы. Чтобы тебе мозги выжгло, можно, скажем, под радар сунуться. Но Зона может любую пакость выкинуть. Скажем, вместо радара поджарить тебя твоим же телевизором – бывало и такое. Так что идти сейчас через жилые кварталы – это явная смерть. А с этой стороны холм и лес – раздолье для хищных тварей. Туда тем более строем лучше не соваться. Когда сталкер идет в одиночку – он же крадется, по земле стелется. А тут такое стадо на марше – это же просто обильное угощение для мутантов. И автоматами тут не отделаешься...

– И как же лучше идти? – дрогнувшим голосом спросил подполковник.

– Никак, – отозвался Попугай. – Солдатики у тебя, полковник, зелененькие, глупые, а главное – Зоны не нюхали. Между нами говоря – просто мясо.

– Может, на грузовики погрузимся и попытаемся прорваться? – с надеждой предложил лейтенант. – Вон, за стеной стоят пять «Уралов». Пустим впереди БТР – дорогу расчищать...

– Гробанетесь вы на своих грузовиках, никакой БТР не поможет, – не выдержал Бука. – Аномалии в первую очередь наползают на дороги. Вляпаетесь в гравиконцентрат – и кирдык.

– Хотите совет? – спокойно посмотрев на Буку, сказал Попугай. – Кончайте играть в войну. Закройте все окна – тогда, может, вас и не почуют. Включите радиостанцию на «мэй-дэй» и спускайтесь вниз, в убежище – только на аномалии там все тщательно проверьте. Если все сложится, дня через три за вами придет помощь – спецы путь по вешкам проложат и вытащат вас по одному или мелкими группами...

– Это еще что за разговоры?! – раздался над головой знакомый голос. Полковник, пунцовый от ярости, сжав кулаки, орал по своему обыкновению, очевидно, полагая, что заряжает боевым духом своих изрядно перетрусивших воинов.

– Кто тут болтает об отходе? Какие, нахрен, убежища?! Для чего мы здесь, по-вашему – чтобы зады просиживать и пайки жрать?! Нас сюда поставили, чтобы защищать население от заразы, которая наступает со стороны зоны отчуждения! И сегодня – как раз такой день, когда нам дана возможность исполнить, наконец, свой долг! А ну, бойцы, слушай мою команду: держать позиции, проявлять бдительность и воинскую смекалку! Командирам: просчитать сектора обстрела, подготовить карточки огня! Рассчитать количество боеприпасов, при поддержке сталкеров отправить группу в арсенал! Не забываете: прет на вас не регулярная армия, а тупые мутанты! Так что не ссать, а действовать по уставу!

Бука невольно покачал головой. Все понятно: полковник полез на белого коня и метит в генералы. Что ж, самое время: небось, задумал воспользоваться удачно сложившейся, как ему кажется, ситуацией. В Жукова решил поиграть, идиот. А заодно сколотить себе имя и попасть в новости в образе крутого героя. Может, даже в политику скакнуть на такой волне. И уже, небось дырку для ордена в мундире проковырял.

Сталкеры сходу узнают таких, отмеченных печатью смерти. Это как неизлечимая болезнь. Ему уже не объяснишь, что он обречен. Потому что именно так Зона метит свои жертвы, и первый симптом близкой расплаты – совершенно неоправданная самоуверенность. Зона терпит тех, кто с уважением относится к ее опасностям. Но только не тех, кто всерьез считает себя крутым перед разверзнутым перед ними адом. Единственно правильный алгоритм действий при встрече с таким персонажем – держаться от него подальше. Что в данной ситуации сделать было довольно проблематично. Аналогичные эмоции Бука видел и на лице Попугая: хоть тот и оказался изрядной сволочью, однако сталкером был опытным и прекрасно читал ситуацию.

А ситуация была такова: переть на Зону силами регулярной армии – это все равно, что с разбегу пробивать головой кирпичную стену. Можно сколько угодно размахивать автоматом, но Зона все равно проникнет сюда – и тогда солдатики сгинут один за другим – только потому, что не знают законов Зоны, как правильно вести себя на ее территории. Да еще потому, что у них такие вот командиры.

Между тем бойцы приободрились, повинувшись командам офицеров и сержантов, принялись основательно располагаться у своих бойниц. Тем более, что наступило затишье, и могло показаться, что Зона успокоилась, может быть, даже отступила. Только Бука и Попугай знали цену этой коварной тишине.

Полковник ушел, очевидно, воодушевлять остальных, и его подчиненные, предоставленные сами себе, получили возможность перевести дух. Один из сержантов, совсем расслабившись, включил телевизор, притороченный на кронштейне в углу зала. Поцелкал каналами, нашел новости на русском. Красивая, румяная, как кукла, дикторша бесстрастно выдавала собственную версию происходящего:

– ...по поводу внезапного, аномального смещения границ зоны отчуждения вокруг Чернобыльской атомной электростанции. Напомним, что коалиционными силами ООН вокруг Зоны оборудован так называемый Периметр, охраняемая военными линия, созданная с целью сдерживания распространения негативных факторов с пораженной территории. Несколько часов назад, по невыясненным пока причинам, Зона прорвала Периметр, захватив несколько квадратных километров так называемой «чистой территории». До настоящего времени нет сведений о том, что движение Зоны удалось остановить. Достоверных сведений о жертвах пока не поступало, но в пресс-службе Объединенного командования Коалиционных сил заявили, что делается все возможное для минимизации потерь среди мирного населения...

Перед глазами Буки снова замелькали огненные линии приближающихся ракет и ослепительные всполохи взрывов. В ушах зазвенело и на языке, будто бы снова появился вкус земли вперемешку с удушливой химической вонью... «Минимизация потерь, – пронеслось в голове. – Вот, значит, как это называется...»

– Так же известно, что военные еще не успели переоборудовать Периметр, приведя его в соответствие с новыми границами Зоны, – продолжала дикторша. – По этой причине власти близлежащих районов призывают население временно покинуть прилегающие к Зоне территории.

Как заявил представитель МЧС Украины, «паники среди населения нет, эвакуация из пораженных районов проводится организованно, в рамках установленного для подобных случаев порядка». Однако, как стало известно нашим корреспондентам, многие местные жители отказываются покидать родные места, мотивируя свое решение в основном привычкой. Многие давно уже не пугает соседство с Зоной. К тому же известно, что значительная часть местного населения живет за счет Зоны, торгуя незаконно добытыми артефактами, а также представляя заинтересованным лицами разного рода услуги – проводников, скупщиков и тому подобного. «Это серьезная социальная проблема, – заявил в недавнем интервью глава МВД Украины. – Но не можем же мы просто пересажать все местное население. Совместно с военными мы ведем кропотливую работу по выявлению правонарушителей – в основном так называемых «сталкеров». Кроме того, ведется активная просветительская работа, пропаганда о вреде контактов с предметами, незаконно извлеченными из Зоны». Через несколько минут в прямом эфире выступит представитель специализированного НИИ, занимающегося изучением проблематики Зоны. Мы надеемся услышать компетентное мнение о причинах «расползания» Зоны и перспективах его сдерживания... А у нас только что появилась свежая информация «с переднего края»: несколько минут назад стало известно, что сместившейся границей Зоны накрыт специализированный следственный изолятор, в котором содержатся несколько десятков лиц, подозреваемых в нарушении особого режима, действующего в Зоне и прилегающих районах. Связи с СИЗО потеряна, подробности выясняются...

– Вот блин, попали ребята, – сочувственно произнес Попугай, и в голосе его даже мелькнуло что-то человеческое. Бука предположил, что у его недруга с этим СИЗО связаны особые воспоминания. Что не удивительно: многих неудачно «попавших» сталкеров отправляют туда прямо из комендатуры.

– А ну, выруби «ящик»! – крикнул кто-то. – Они же на свет и звук лезут!

Сержант поспешно махнул пультом, и на миг в темном зале повисла тревожная тишина.

А через секунду началось. В воздухе мелькнула стремительная тень – бесшумная, будто бесплотная. Но тут же воздух огласили чьи-то отчаянные вопли. Жуткие звуки наполнили ставшее тесным пространство. Это нечто рвало человеческую плоть, наслаждаясь убийством, как хоре в курятнике. Надо отдать должное Попугаю: мгновенно сориентировавшись, он сбил с ног своего пленника, рухнув на пол следом. Вряд ли его заботила жизнь Буки, он просто боялся потерять свои деньги. Самое время: солдаты с перепугу открыли пальбу по невидимому в темноте противнику, кося своих же, неловко подвернувшихся, товарищей. Над головами мерзко засвистели смертельные рикошеты, вопли боли и страха, стоны раненных взорвали тесное пространство.

Бука уже понял, что это за тень. Химера. Одна из самых опасных тварей Зоны. Ее не страшат ни открытые пространства, ни тесные помещения со скопищем вооруженных людей. И завалить ее не так просто, тем более – неопытным в этом деле новичкам. Не сговариваясь, Бука со сталкером быстро отползли к стене. Попутно Бука нашарил брошенный кем-то автомат, Попугай же успел обзавестись ручным пулеметом, который он заметил заранее.

Выстраиваемая «по науке» оборона рассыпалась, как карточный домик, зал превратился в комнату ужасов, где продолжала вволю пировать стремительная смерть. Тем временем сталкер натянул на голову крепление тепловизора – наверное, собственного – и крикнул Буке:

– Видишь ее?! Огонь!

Попасть в химеру, да еще в темноте – это все равно, что застрелить собственную тень: легко впасть в отчаяние, и тогда конец неизбежен. Единственное, что сейчас помогало стрел-

кам – ограниченность движений чудовища в пространстве. Чтобы метнуться от стены к стене, мутанту требовалось поменять вектор движения, а значит – чуть сбавить скорость. В эти моменты и стоило ловить в прицел стремительное сильное тело. Бука не мог похвастаться меткостью и реакцией, но был уверен, что по крайней мере несколько пуль всадил в эту живучую гадину. Попугай компенсировал меткость огневой мощью своего РП. Когда хищница заметила главный источник опасности, ее тело уже было изрядно наштиповано металлом. В какой-то момент химера должна была ослабнуть – но двух стволов для этого явно не доставало. И когда Бука увидел сверкнувшие в темноте жуткие глаза, ему стало совершенно ясно: это приговор. Монстру достаточно единственного броска, чтобы расправиться с обоими стрелками. Тут же предательски заклинил «калаш», и Бука вжался спиной в стену, в ожидании неизбежного. Чернильная тень взмыла в воздух, Бука со сталкером в отчаянии рванули в разные стороны, что было уже совершенно бесполезно. Но с тенью что-то произошло: Бука скорее ощутил, чем увидел, как та болезненно дернулась в воздухе, и лишь мгновение спустя услышал глухой звук выстрела. Тяжелая туша врезалась в стену и рухнула, больно придавив ногу.

Наступила тишина. Это была страшная, мертвая тишина. Бука, морщась от боли, выдернул ногу из-под трупа мутанта. Черное тело продолжало вздрагивать, по шкуре пробегали странные волны, но хищник, судя по всему, уже не представлял опасности.

Бука поднялся на ноги: стоило порадоваться тому, что с ногой все в порядке: перелома не было, лишь боль от ушиба, которую легко подавить. Только радоваться было не с руки: все помещение, наполнившееся едкой пороховой гарью, было усеяно трупами. Полегли все – кто от зубов и когтей мутанта, кто от пуль обезумевших от страха товарищей. И лишь одинокая фигура сержанта застыла в дальнем углу. Он все еще сжимал в руках СВД – убойную штуку в умелых руках. Дышал сержант тяжело и часто, ужас застыл на его лице. Пожалуй, этому парню кошмары обеспечены до конца жизни – если только ему удастся выбраться из разросшейся, как раковая опухоль, Зоны.

– Хороший выстрел, приятель, – треснувшим голосом произнес Попугай, осматривая труп мутанта. Склонился над огромной уродливой головой, прищурившись, осмотрел рану – одну из многих, но единственную – прямо под мощной броней черепа. – Прямо в нервный узел – надо же! Не пробовал в лотерею играть? Глядишь – «лимон» выиграешь с таким везением!

Даже на трупе было видно, как продолжает регенерировать умирающее тело: раны затягивались прямо на глазах, хотя и не так быстро, как на живой твари. На всякий случай сталкер приставил ствол пулемета к затылку чудовища и дал пару «контрольных» очередей. Подергивание туши прекратилось. Сержант не выказывал особой радости по поводу удачного выстрела, он продолжал молчать, вытянувшись у стены, будто боясь пошевелиться.

Распахнулась дырявая, в решето расстрелянная дверь, в помещение осторожно, один за другим, выставив перед собой стволы автоматов, вошли солдаты. Следом медленно, как призрак, в пороховом дыму возник полковник. Бодрости в его походке поубавилось, как и пафоса в речи.

– Что же вы так, братки, а? – глухо проговорил он. Присел у одного из тел, коснулся рукой, вздрогнул: тело было без головы.

Поскользнувшись в крови, упал один из солдат. Он длинно и сочно выругался, и это привело застывшего сержанта в чувство.

– Товарищ полковник, – бесцветным голосом проговорил он. – Уходить отсюда надо...

– Отставить панику! – не слишком уверенно сказал полковник. – Осмотреть тела – может, кто живой остался – и за мной. Эй, сталкеры – ко мне!

Попугай, неторопливо поставил на пол пулемет, подхватил свой «калаш» и многозначительно посмотрел на Буку. Оба подошли к полковнику.

– Значит, так, – сказал тот. – Сейчас дам вам несколько бойцов – сбегаете к арсеналу – это недалеко от комендатуры. Притащите патронов, сколько унесете, гранаты, пару РПГ – ну, сержант в курсе. Надо, как следует, закрепиться, чтобы такого не повторилось...

Он кивнул на лежащие у ног тела, слабо выхваченные лунным светом. Попугай внимательно посмотрел на полковника: ему было, что сказать этому умнику. Но он сдержался: очевидно, имелись у него и собственные виды на эту вылазку. Уже покидая здание комендатуры, глядя, как солдаты суетливо баррикадируют проходы, Бука подумал, что все это уже было, давным-давно пройдено, но почему-то до сих пор так и не стало уроком для тех, кто привык строить карьеру на крови подчиненных.

Группа двигалась медленно, повинаясь коротким приказам Попугая, дублируемых сержантом для троих перепуганных бойцов. Сталкер шел след в след за Букой, держа в руке детектор аномалий. Он почти не смотрел на экран: наверное, был уверен, что эта «тварь» впереди него просто не может вляпаться в какую-нибудь дрянь, приготовленную Зоной. Пожалуй, он слишком хорошо изучил свою добычу, свой Большой приз, который намеривался выгодно реализовать ученым.

Бука двигался не спеша, вслушиваясь в коварную ночь. Он снова начал чувствовать ЕЕ, Зону. Перед внутренним взглядом медленно проявлялась призрачная картинка, невидимая простым людям: трудно описываемая схема ловушек и сюрпризов, принесенных новой волной, нахлынувшей с темных земель. Вон, по правую руку, словно рассыпавшиеся капли, мертвенно тлеют небольшие комариные плешки – вполне достаточные для того, чтобы расплющить, как тараканов, неосторожных прохожих. А вон, у ворот, почти неосязаемый, вращается смертоносный зев воронки. Туго придется тому, кто вздумает прорывать сквозь ворота – хоть на грузовике, хоть на танке.

Такова она, Зона – предпочитает ставить ловушки на самых очевидных для человека направлениях. Наверное, оттого и выживают из сталкеров только самые сдвинутые и подозрительные – те, кто не верит в очевидные пути, кто из природного скепсиса готов хоть на брюхе дать крюка в лишний километр, кто не ноет и не сетует на судьбу, а понимает главное: это Зона, бояться ее надо и уважать.

Он застыл на месте и сделал знак другим: остановиться. Шедшие позади замерли и даже дыхание затаили: страх заставлял солдат повиноваться гражданским, которые чувствовали себя в этом аду куда увереннее. Бука медленно опустился на одно колено.

Дорогу преградило тело. Он сразу узнал его – того самого капитана, который допрашивал его и даже строил планы на продажу своего подследственного. Точно, это был он – только мертвый, с застывшим выражением запредельного ужаса на лице. Непонятно, отчего капитан умер – никакой аномалии поблизости не наблюдалось, мутант же здорово подпортил бы его внешность. Может, работник комендатуры оказался просто излишне впечатлительным и помер от сердечного приступа – такое тоже случается. Зона – она убивает по-разному.

– Не нравится мне это, – мгновенно среагировал Попугай. – Какой-то он целехонький, даже румяный, будто вздремнуть прилег...

– Не жалко приятеля? – неприязненно поинтересовался Бука.

– Захлопни варежку, – беззлобно отозвался Попугай, продолжая разглядывать мертвого капитана. – Ладно, давай в обход...

– Зачем – в обход? – растерянно поинтересовался сержант. – Вон, в стене калитка открыта, прямой проход на территорию части! А там до арсенала – пара шагов!

– Ну, давай, вперед, если такой умный, – спокойно предложил Попугай. – А мы посмотрим: может, там действительно короткий путь.

Сержант выпученными глазами посмотрел на сталкера, на калитку с маняще приоткрытой железной дверью, на тело мертвого капитана. Судорожно облизнул губы, покачал головой:

– Нет уж... Ведите...

Они медленно двинулись вдоль стены. Бука уже поглядывал наверх – где видел разрыв в колючей проволоке, когда на сержантской сбруе зашипела рация.

– Ну что там? Добрались? – нетерпеливо спросил искаженный помехами голос. Отчего-то Зона недолюбливает радиосвязь, и даже с соседним зданием здесь проблема связаться.

– Ну... Почти, – проговорил сержант.

– Что значит – «почти»? – рявкнула рация, и Бука сразу узнал полковника. – Где вы?!

– Метров семьдесят прошли, – пробормотал сержант. – Уже у стены...

– Какой, нахрен стены?! – «зафонив», завопила рация. – Сюда уже какие-то твари подбираются – боеприпасы давай! Бегом!

Сержант ошалело поглядел на Попугая. Тот лишь пожал плечами:

– Можете и бегом, если жить надоело. Мы и так достаточно быстро продвигаемся.

– Расстреляю к чертовой матери! – гаркнула рация. – В дисбат отправлю!

– Но сталкеры сказали, быстрее нельзя, – проговорил сержант.

– Слушай приказ, – более отчетливо произнес динамик. – Если откажутся двигаться быстрее или будут мешать продвижению – расстрелять на месте. Грохни одного, чтобы другой зашевелился.

– Есть... – протянул сержант и щелкнул предохранителем автомата, направив ствол Попугая в живот. То же самое сделали и солдаты.

– Дурак ты, сержант, – бесстрастно сказал сталкер. – Сдохнешь ты здесь без меня. Кто ж тебя обратно поведет?

– Он поведет! – сержант кивнул в сторону Буки.

– Ну, да, – неприятно ухмыльнулся Попугай. – А уж с ним ты сдохнешь наверняка.

Наверное, это был намек на давнюю сталкерскую байку, которую Бука однажды услышал с немалым удивлением. Потому что байка была не про кого-то, а про него, Буку, и гласила она, что все, кому помогает этот странный парень, за помощь эту расплатятся жизнью. Такой вывод делался на основании того, что все, с кем Бука когда-либо ходил, за хабаром, рано или поздно погибли. При этом почему-то не бралось в расчет то, что сталкер – это в принципе опасная работа. Хочешь, не хочешь, а больше половины сталкеров так и остаются в радиоактивной земле Зоны.

Сержант, конечно, этой истории знать не мог, а потому лишь злобно прошипел:

– А ну, вперед – быстро! Дуй через калитку.

Попугай хотел, было, что-то возразить, но Бука уже двинулся первым: он прикинул и решил, что в принципе, можно и через калитку – хоть и пришлось упасть и осторожно поползти под странной, ни на что не похожей порослью, покрывшей стены и бросившей дрожащие побеги через проход. Может, она и не была опасной, но даже Бука понятия не имел, что это такое. Остальные с осторожностью проследовали за ним. Обойдя еще пару гравиконцентраторов, пристроившихся у брошенных грузовиков, добрались до ворот арсенала. Видимо, здесь совсем недавно царила паника: ворота не были закрыты, у будки охранника, в кровавых лохмотьях валялся человеческий череп и обглоданные кости.

– Осторожно! – глядя в детектор, предупредил Попугай. – Левую створку ворот не трогать – рядом что-то есть...

– Похоже на жарку, – подтвердил Бука, прислушиваясь к ощущениям.

Внутрь входили с еще большей осторожностью – но ничего особенно страшного не встретили. Сержант принялся отдавать приказы, солдаты набивали вещмешки коробками с патронами, связывали вязанками выстрелы к РПГ и тубусы ручных реактивных огнеметов «шмель» – отличного оружия против массовой атаки живой силы. Солдаты прогнулись под тяжестью груза, досталось и Буке – на него взвалили тяжеленный вещмешок. Попугай

тащить что-либо отказался, веско послав сержанта очень далеко и аргументировав свое решение тем, что хоть у кого-то из группы должны быть свободные руки и простор для маневра.

Вышли из арсенала и остановились.

– Что такое?! – нетерпеливо прикрикнул на Буку сержант, – Давай, дуй к калитке!

– А вот этого точно нельзя, – сказал Попугай. – Возвращаться той же дорогой – самый верный путь на тот свет.

– Это еще почему? – не понял сержант.

– Потому что это Зона, – веско сказал Попугай. – Нельзя, значит, нельзя.

– Иди ты, трепло! – бросил сержант. – Рядовой Галкин – вперед, по нашим следам! У калитки осторожно: сначала пропихиваешь под этим дерьмом груз, следом сам ползешь. Ждешь нас на той стороне.

Сержант с подозрением посмотрел на сталкера, на Буку, процедил:

– И вы оба – следом, чтобы я вас видел! Не вздумайте рыпаться – пристрелю!

Бука ничего не ответил: он наблюдал, как солдатик, шатаясь под тяжестью амуниции, доковылял до калитки и принялся беспомощно дергаться, пропихивая «на ту сторону» тяжеленную вязанку «шмелей». Неловко дернувшись, задел плечом свисавшую сверху поросль...

Даже привыкший ко всякому Бука содрогнулся при виде представшего зрелища, а Попугай произнес с чувством:

– Мать моя Зона, чтоб я долго жил...

И добавил кое-что увесистое, древнерусское. Потому как невинные побеги, расплзавшиеся по стене, вдруг нервно дернулись – и, как показалось, коротко, замысловатым зигзагом хлестанули зазевавшегося бойца по телу. На миг замерев, словно испугавшись, солдатик вдруг с неприятным хлюпающим звуком рассыпался на кусочки – аккуратные, прямоугольные, как картошка «фри». Тут же во все стороны, мелкими, как пыль, капельками брызнула под давлением кровь – и медленно осела в луче прожектора красноватым облаком.

Оставшиеся солдаты и сержант даже ойкнуть не успели, как ожила рация:

– Где вы там, мать вашу?! Они поперли! Поддержите огнем – по площадке! Слышите меня?!

В треске помех послышались звуки выстрелов – и тут же звуки очереди донеслись со стороны калитки. Бахнуло раз, снова – за стеной рвались гранаты, слышались крики и звериный рев.

– А-а... – издав странный гортанный звук, сержант сбросил груз и подхватил трубу огнемета. Дрожащими руками, не очень умело привел оружие в боевое положение, направил в сторону калитки.

– Только в стену не попади, идиот! – заорал Попугай, падая на землю.

Это было ценное замечание: до стены было метров тридцать, и перепадом давления «по эту сторону» их могло просто порвать на части. На счастье, сержант не промазал: ухнула, уходя, ракета – и полыхнувшее по ту сторону пламя отозвалось мощным хлопком. Сержант вскочил, захохотал, захлопал себя по коленям, будто сам не мог поверить в произведенный эффект. Он схватил вторую трубу и принялся приводить ее в боевой режим, хихикая и пошатываясь, как пьяный. Прицелился, было, снова в калитку, но вдруг замер и опустил тубус.

– Правильное решение, – приподняв голову, пробормотал наемник. – Раз на раз не приходится, главное – себя не поджарить...

Но сержант не слушал его. Он вообще повел себя странно: потрогал свободной рукой лоб – то ли пот вытирая, то ли проверяя температуру. И медленно повернулся к остальным.

– Ты чего парень? – осторожно спросил Попугай, косясь на лежащий рядом с ним автомат. – С тобой все нормально?

Но Бука уже почуял: нет, не все нормально с этим парнем. Как и с оставшимися двумя вояками – те тоже поднялись с земли, так же болезненно медленно, пялясь в никуда пустыми глазами.

– Контролер! – быстро сказал Попугай.

Бука и без того понял, чья воля овладела сейчас бойцами. Причем, контролер был хитрый: будто знал, чьими душами манипулировать легче. С опытным сталкером, конечно, справиться не так просто, как с этими невинными, не поврежденными интеллектом мозгами.

Будто в страшном кино двое сохранивших разум наблюдали, как медленно подымается труба огнемета, направляясь раструбом им в ноги. Чисто символическое движение: достаточно просто направить его в землю и нажать спуск, что все живое на площади в полсотни квадратных превратилось в пепел. «Шайтан-труба» – правильно называли ее моджахеды. Просто воля притаившегося по соседству контролера использовала рефлекс самого сержанта. И пара драгоценных секунд кое-кому спасла жизнь.

Бука метнулся вперед, как та самая ракета из «шайтан-трубы». Он не успел сделать ничего – только отбросить сержанта чуть назад, отчего труба «шмеля» взметнулась – и, таки, бахнула. Бахнула прямо в стоящий за спиной, в каком-то десятке шагов грузовик. Тут, по логике вещей, всем должна была придти «крышка»: на таком расстоянии от эпицентра объемного взрыва, уцелеть никак бы не вышло. Но ракета странным образом ушла с прямой – и тут же взорвалась. Это был странный взрыв – раздавшееся в стороны, густое, будто концентрированное, пламя образовало шар около метра в диаметре – и резко, огромной каплей провалилось в землю. Тряхнуло, сбив с ног солдат и подбросив упавших сержанта и Буку. Последний еще успел отметить, что гравиконцентрат подвернулся, как нельзя, кстати, а Попугай уже впечатал солдат вескими ударами прикладов. Сержант очухался и принялся усердно душить Буку – и третий удар пришелся ему в темя.

– Пристрелить бы, гада... – сплюнул наемник. Он обезоруживал бесчувственных бойцов. Не слишком гуманно, учитывая опасности Зоны, но в такой обстановке – вполне оправданно.

– Он же не виноват... – держась за горло, просипел Бука.

– Знаю! – огрызнулся Попугай, рассовывая по карманам «разгрузки» автоматные рожки. – Я про контролера...

Мутант больше не проявлял себя: то ли затаился, то ли потерял интерес к сомнительной добыче. Зато вновь ожила рация, валяющаяся в пыли: некоторое время она просто шипела, и там, по ту сторону эфира слышались странные звуки – то ли хрип, то ли стон, то ли омерзительное чавканье. И лишь секунд десять спустя безжизненный голос заговорил, явно преодолевая боль:

– Говорил полковник Коломейцев, ВЧ номер... Нахожусь в комендатуре Восточного сектора... Мы держали оборону, но тварей слишком много... Бойцы нашей части... Они мертвы... Все мертвы. Я тяжело ранен, протяну недолго. Сейчас здесь мутанты – они всюду и продолжают прибывать... Прошу ударить авиацией. Вызываю огонь на себя. Повторяю...

– Допрыгались... – с досадой бросил Попугай. – Герои, чтоб их...

Не было в его голосе ни капли уважения к этому героизму. Только сталкер понимает, что в Зоне нет места героям: их место здесь занимают неудачники и идиоты.

Комендатура и военная база были уже далеко, когда в небе просвистели двигатели и за спиной вспенились жирные всполохи пламени. Зона любит, когда жертвы ей приносятся эффектно.

Воспользовавшись тем, что наемник отвлекся, любуясь картиной разрушения, Бука бросился в темноту – в надежде добраться до зарослей и раствориться во мгле. Но сталкер оказался быстрее и куда как сильнее: в момент настигнув беглеца, он сбил его с ног, заломил руки и нацепил наручники.

– Я же сказал – не рыпайся! – прорычал он в самое ухо.

Отвесив болезненный пинок тяжелым ботинком, заставил его подняться и ускорить шаг. Примерно через час они выбрались за новую границу Зоны. Бука сразу же ощутил это, Попугай же понял из показаний детектора аномалий. Им удалось просочиться сквозь наспех организованные блокпосты, и вскоре Попугай ловко вскрывал брошенную кем-то малолитражку. С силой впихнул пленника на переднее сиденье, завел машину, закоротив провода, рванул с места.

Некоторое время ехали молча, потом наемник включил радио, отыскал новости, которые, впрочем, крутили сейчас все FM-радиостанции. Новостные блоки не отличались разнообразием, но последнее сообщение потрясло Буку – не смотря на то, что носило, вроде бы, позитивный характер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.